

Дафна дю Морье Не оглядывайся

OCR Roland; SpellCheck Miledi
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141135

Дафна Дюморье

Не оглядывайся

– Не оглядывайся, – сказал Джон своей жене, – позади тебя, через пару столиков, сидят две старушки, которые пытаются меня загипнотизировать.

Лаура притворно зевнула и подняла голову, как бы пытаюсь разглядеть в небе несуществующий самолет.

– Прямо за тобой, – добавил он. – Не поворачивайся, а то они сразу поймут, что мы говорим о них.

Лаура использовала проверенный веками способ: уронив свою салфетку и наклонившись за ней, она бросила взгляд через плечо и выпрямилась. Она втянула щеки – первый признак того, что она пытается справиться с приступом неудержимого смеха, – и придвинулась к нему.

– Они вовсе не старушки, – сказала она. – Это мужчины-близнецы.

Ее голос угрожающе дрогнул – сейчас начнется приступ беспричинного смеха, и Джон поспешил налить ей немного кьянти.

– Сделай вид, что ты подавилась, – предложил Джон, – тогда они ничего не заметят. Знаешь, кто они, – это преступ-

ники, которые путешествуют по Европе. В каждом городе, где они останавливаются, они переодеваются то в мужчин, то в женщин. Здесь, в Торселло, это сестры-близнецы. А завтра в Венеции, или даже сегодня вечером, они превратятся в братьев-близнецов и будут под руку прогуливаться по площади св. Марка. Всего-то и надо, что переодеться и сменить парики.

– Грабители или убийцы? – спросила Лаура.

– Определенно, убийцы. Но я не понимаю, почему они остановились на мне?

Официант, который принес кофе и фрукты, отвлек их от разговора, что дало Лауре возможность справиться со смехом и взять себя в руки.

– Странно, – сказала она, – почему мы не заметили их, когда пришли сюда. Они так выделяются. На них нельзя не обратить внимание.

– Их закрывала та шумная компания американцев, – ответил Джон, – а потом нас отвлек бородатый мужчина с моноклем, который походил на шпиона. А когда все ушли, мы и увидели этих близняшек. О Боже, та, с седыми волосами, опять уставилась на меня.

Лаура вытащила из сумки пудреницу и, раскрыв ее, взглянула в зеркало.

– Мне кажется, что они смотрят на меня, а не на тебя, – заметила она. – Слава Богу, я оставила свой жемчуг в сейфе у управляющего отелем. – Замолчав, Лаура начала пуд-

ритель нос. – Дело в том, – наконец проговорила она, – что у нас о них сложилось неверное впечатление. Никакие они не убийцы и не грабители. Это две почтенные бывшие школьные учительницы, которые всю жизнь копили деньги для того, чтобы посетить Венецию. Они, должно быть, приехали из какого-нибудь крохотного австралийского городка, который, например, называется Уатабанга. И зовут их Тилли и Тини.

Впервые за долгое время голос его жены звучал именно так, как ему больше всего нравилось, – как будто у нее в горле перекатывались крохотные хрустальные шарики. С лица исчезло нахмуренное выражение. «Наконец-то, – подумал он, – наконец-то она начинает приходить в себя. И если у меня получится сохранить в ней это состояние, если нам удастся вернуться к прежнему образу жизни, если мы сможем, как прежде, шутить, фантазировать, бродить по картинным галереям или церквам, тогда все станет на свои места, жизнь войдет в свое русло, рана затянется, и она все забудет».

– Знаешь, – сказала Лаура, – обед действительно был очень вкусным. Я получила огромное удовольствие.

«Слава Богу, – подумал он, – слава Богу...» Он наклонился к ней и еле слышно зашептал:

– Одна из них направляется к туалету. Как ты думаешь, он – или она – собирается сменить парик?

– Давай не будем гадать, – ответила Лаура. – Я пойду за ней и все выясню. Может, у нее где-то рядом спрятан чемодан, и она собирается переодеться.

Ее охватила жажда деятельности, что дало ее мужу понять: она довольна. Призрак на время отступил, и все благодаря старой игре, к которой они возвращались каждый раз, когда ездили в отпуск, но которая давно канула в вечность. Только ниспосланный Богом случай возродил эту игру к жизни.

– Она уже идет? – спросила Лаура.

– Сейчас пройдет мимо нашего стола, – ответил он. Женщина, которая поравнялась с их столиком, ничего особенного собой не представляла. Высокая, худая, заостренное лицо, нос с горбинкой, короткая стрижка, которая, насколько он помнил, в дни молодости его матери называлась «под мальчика»; она была типичной представительницей этого поколения. На вид ей лет шестьдесят пять, решил он. Она была одета в мужскую рубашку с галстуком, спортивный пиджак и серую твидовую юбку, доходившую до середины икр. Наряд дополняли серые чулки и черные ботинки на шнурках. Он часто видел женщин такого типа на площадках для гольфа или на выставках собак – они всегда выставляли только мопсов. Он не раз, будучи у кого-нибудь в гостях, замечал, что такие дамы очень ловко обращаются с зажигалкой, в отличие от него, обыкновенного мужчины, носившего с собой спички. Утверждение, будто они предпочитают выходить замуж за нежных и беспомощных мужчин, было не всегда верно. Чаще всего их преклонения удостаивались мужья, играющие в гольф. Нет, сейчас его поразило то, что их было двое.

Как две капли похожие друг на друга, созданные Господом по одной мерке, единственное различие заключалось в том, что у второй волосы были светлее.

– А вдруг, – пробормотала Лаура, – она начнет раздеваться в туалете?

– Все зависит от того, что под одеждой, – ответил Джон. – Если это гермафродит, тогда смывайся оттуда. У нее может быть шприц для подкожных вливаний, и она оглушит тебя, прежде чем ты успеешь добежать до двери.

Лаура опять втянула щеки и вздрогнула. Потом она расправила плечи и встала.

– Только бы мне не рассмеяться, – сказала она. – Как бы то ни было, не смотри на меня, когда я вернусь, особенно в том случае, если мы выйдем вместе. – Она подхватила сумочку и уверенно отправилась выслеживать свою добычу.

Джон разлил остатки кьянти в фужеры и закурил. Садик, в котором был расположен ресторан, был залит солнечным светом. Компания американцев давно ушла, и мужчина в монокле, и семья, отмечавшая свой семейный праздник за дальним столиком. Ресторан был погружен в тишину. Вторая старушка-близнец облокотилась на спинку стула и закрыла глаза. Хвала небесам, подумал он, эта глупая, но безвредная игра, которая заинтересовала Лауру, дала ему хоть какую-то, пусть и кратковременную, передышку. Еще есть надежда, что их отпуск окажется тем самым лекарством, которое ей так необходимо, и это состояние глубокого отчаяния

и оцепенения, в котором она пребывает после смерти дочери, хотя бы на время покинет ее.

– Она свыкнется с этой мыслью, – сказал доктор. – Все рано или поздно привыкают. К тому же у вас есть сын.

– Я понимаю, – проговорил Джон, – но девочка была для нее всем. Не знаю почему, но так сложилось с самого начала. Думаю, свою роль здесь сыграла разница в возрасте. Наш сын уже ходит в школу, он упрям, с ним трудно, как со всеми детьми в этом возрасте. Намного сложнее, чем с пятилетней малышкой. Лаура просто боготворила ее. А мы с Джонни были в стороне.

– Дайте ей время, – повторил доктор, – дайте ей время. Вы оба молоды. У вас еще будут дети. Еще одна дочка.

Легко сказать... Разве мечта может заменить любимую дочь, которую они потеряли? Он слишком хорошо знал Лауру. Еще один ребенок, еще одна дочь – это будет совершенно другой ребенок, со своим характером, что только озлобит Лауру. Она будет считать, что чужая девочка незаконно захватила то, что когда-то принадлежало Кристине. Какая-то круглолицая, светловолосая копия Джонни, а не тот темно-волосый эльф, навсегда покинувший ее.

Он поднял глаза и увидел, что женщина опять смотрит на него. Это был не случайный взгляд обычного посетителя ресторана, ожидающего, когда вернется его сосед, этот взгляд был глубже, настойчивее. Проницательные голубые глаза буквально пронизывали его насквозь, вызывая у него

сильное ощущение неудобства. Черт бы ее побрал! Ну ладно, пялься, если тебе так нравится. Можем поиграть и в эту игру. Он выпустил клуб дыма и улыбнулся ей, надеясь, что его улыбка покажется ей оскорбительной. Она никак не отреагировала. Голубые глаза, продолжавшие буравить его, вынудили Джона отвести взгляд, загасить сигарету и оглядеться по сторонам в поисках официанта. Принесли счет, он расплатился, поблагодарив за отличную еду. Он успокоился, но странное ощущение неудобства не покидало его. Но тут оно исчезло, так же внезапно, как появилось. Бросив украдкой взгляд на старуху, он увидел, что ее глаза опять закрыты, что она спит или дремлет. Официант ушел. Опять воцарилась тишина.

«Лаура, – подумал он, взглянув на часы, – куда она запропастилась. Почти десять минут». Во всяком случае, у него есть повод поддразнить ее. Он начал придумывать, как пошумнее описать ситуацию Лауре. Эта старая кукла начнет спускать панталоны, предполагая, что Лаура будет делать то же самое. И тут врывается управляющий, он в ужасе – как, такой ущерб репутации ресторана! – намекает на то, что могло бы произойти, если бы... И тут оказывается, что все это – заранее расставленная ловушка, что ее хотели шантажировать. Его с Лаурой и близнецов отводят в полицейский участок для допроса. Пятнадцать минут... О, ну скорее...

Послышался хруст гравия. Старуха возвращалась. Одна, она медленно проплыла мимо него, подошла к своему сто-

лику, загородив от него свою сестру. Она что-то говорила, но он не мог разобрать. Какой странный акцент – шотландский? Наклонившись, она подала руку своей сестре, и они двинулись к калитке в ограде ресторана. Он заметил, что у сестер все же есть некоторые различия. Вторая была не такой высокой и ступала более тяжело, возможно, у нее был артрит. Они скрылись из вида, и Джон, охваченный нетерпением, встал и собрался было возвращаться в отель, но в этот момент показалась Лаура.

– Должен заметить, ты не очень-то спешила, – начал он, но осекся, увидев ее лицо. – В чем дело? Что случилось?

Он сразу понял: что-то не так. Она была как бы в состоянии шока. Она словно в тумане подошла к столику и села. Он взял ее за руку и опустился на соседний стул.

– Дорогая, в чем дело? Расскажи мне. Тебе плохо?

Она покачала головой и взглянула на него. Изумление, написанное на ее лице, сменилось уверенностью и даже восторгом.

– Произошло нечто замечательное, – медленно проговорила она, – нечто потрясающее. Понимаешь, она не умерла, она с нами. Поэтому они так смотрели на нас, эти сестры. Они видели Кристину.

«О Боже, – подумал он. – Этого я и боялся. Она сходит с ума. Что мне делать? Как мне справиться с этим?».

– Лаура, дорогая, – начал он, выдавив улыбку, – может, мы пойдем? Я уже расплатился, и мы можем побродить по го-

роду, посмотреть собор. А когда придет время, мы вернемся в Венецию.

Она не слушала его, во всяком случае, смысл слов не доходил до нее.

– Джон, любимый, – сказала она, – я должна рассказать тебе, что случилось. Я пошла за ней, как мы и договаривались, в туалет. Когда я вошла, она причесывалась. Я зашла в кабинку, потом вышла и помыла руки. Она тоже мыла руки. Внезапно она повернулась ко мне и сказала с сильным шотландским акцентом: «Не надо отчаиваться. Моя сестра видела вашу дочурку. Она сидела между вами и вашим мужем и смеялась». Дорогой, я подумала, что сейчас упаду в обморок. У меня ноги подкосились. К счастью, там стоял стул, и я села. Женщина склонилась надо мной и принялась гладить по голове. Я не смогу повторить все слово в слово, но она говорила что-то о моменте истины и о радости, которая может быть острой как кинжал, и что не надо этого бояться, что все хорошо. Она сказала, что у ее сестры было видение, и они поняли, что должны рассказать мне об этом, так хотела Кристина. О Джон, не смотри на меня так. Клянусь, я ничего не выдумала, это ее слова, это все правда.

Уверенность, с которой она говорила, заставила его сердце сжаться. Ему придется подыгрывать ей, соглашаться, успокаивать – сделать все, чтобы хоть капля разума вернулась к ней.

– Лаура, любимая, я верю тебе, – сказал он, – только все,

это несколько неожиданно для меня, и я огорчен тем, что ты расстроена...

– Я не расстроена, – перебила она, – я счастлива. Мне трудно передать, как я счастлива. Ты же знаешь, каково мне было все эти недели, и дома, и здесь, хотя я старалась прятать от тебя свои чувства. Теперь все ушло, потому что я знаю, я уверена, эта женщина права. О Господи, какой ужас, я забыла, как их зовут, – она же говорила мне. Дело в том, что она бывший врач, они приехали из Эдинбурга. Та, которая видела Кристину, ослепла два года назад. Хотя она изучала оккультные науки всю свою жизнь и обладала повышенной восприимчивостью, только после того, как она ослепла, у нее открылось внутреннее зрение, как у медиума. Они узнали очень много интересного. Удивительно, чтобы слепая могла так точно описать своей сестре Кристину, вплоть до синего с белым платьица с широкими рукавами, которое она надевала на свой день рождения, и сказать, что она счастливо улыбалась... О дорогой, я так счастлива, что мне хочется плакать.

Никакой истерики. Полное спокойствие. Она вынула из сумки носовой платок и высморкалась, в то же время улыбаясь ему.

– Как ты видишь, со мной все в порядке, не волнуйся. Нам больше не о чем беспокоиться. Дай мне сигарету.

Он достал из кармана пачку и прикурил ей сигарету. Ее голос звучал как обычно, она опять стала прежней. И не дро-

жала. Если это убеждение может сделать ее счастливой, ему остается только радоваться. Но... но... в то же время он жалел, что все это случилось. Было что-то сверхъестественное в чтении мыслей, в телепатии. Ученые никак не могли объяснить это явление, никто на свете не мог дать объяснения, и надо же было случиться, чтобы именно это произошло между Лаурой и двумя сестрами. Значит, та, что так пристально на него смотрела, – слепая. Тогда понятно, почему ее взгляд показался ему странным. Почему он чувствовал себя неловко под этим взглядом, почему его охватывала дрожь. «Дьявол, – подумал он, – жаль, что мы зашли в этот ресторан». Их привел сюда случай, подброшенная монетка: Торселло или Падуа. Выбор пал на Торселло.

– Надеюсь, ты не договаривалась с ними о встрече? – спросил он, стараясь говорить, как ни в чем не бывало.

– Нет, дорогой, а зачем? – ответила Лаура. – Ведь они уже обо всем рассказали мне. У второй сестры было это потрясающее видение, вот и все. Как бы то ни было, мы отправляемся дальше. Как интересно, это похоже на нашу давнюю игру. Они собираются совершить кругосветное путешествие и только потом вернуться в Шотландию. А я предполагала, что они из Австралии, не так ли? Эти милые старушки... И никакие не убийцы и не грабители.

Перед ним была прежняя Лаура. Она встала и огляделась.

– Пошли, – сказала она. – Раз мы в Торселло, мы должны осмотреть собор.

Они вышли из ресторана и направились к открытой площади, на которой располагалось множество ларьков с шарфами, всякими безделушками и открытками. Из причалившего катера вывалилась толпа туристов. Лаура попросила мужа купить ей путеводитель и точно так же, как в былые дни, когда они были счастливы, стала медленно обходить собор, методично, слева направо, изучая мозаики, колонны, панели, а Джон, мысли которого были заняты сегодняшними событиями, покорно следовал за ней, постоянно оглядываясь по сторонам, чтобы не пропустить появления старушек-близнецов. Однако их не было видно. Возможно, они пошли в расположенную неподалеку церковь св. Фоски. Случайная встреча с ними ни к чему хорошему не приведет, не говоря уже о том, какое впечатление она произведет на Лауру. А от толпящихся вокруг туристов нет никакого вреда, хотя, с его точки зрения, эти шаркающие толпы только мешают воспринимать художественные достоинства собора. Он не мог сконцентрироваться, его не трогала чистая, холодная красота полотен, и когда Лаура, коснувшись его руки, указала на мозаику, изображавшую деву Марию с младенцем Христом, возвышающуюся над апостолами, он только кивнул и промолчал, ничего не увидев в глядевшем на него из бесконечности продолговатом, грустном лице девы Марии. Внезапно что-то заставило его резко обернуться и взглянуть поверх голов туристов на дверь, где выставляли себя ну суд толпы фрески с изображениями святых.

Там стояли близнецы, причем слепая все еще держалась за руку своей сестры, а ее невидящие глаза были вновь устремлены на него. Не в силах шевельнуться, он почувствовал себя пленником, его охватило предчувствие беды. Им овладела апатия, он сник. «Это конец, – подумал он, – выхода нет». Сестры повернулись и вышли из собора, и сразу же гнетущее состояние исчезло. Как эти две старые идиотки осмеливаются применять к нему свои потусторонние штучки? Это обман, мошенничество. Наверное, они колесят по свету и заставляют всех, кого они встречают на своем пути, чувствовать себя неловко. Дай им только шанс – и они примутся вытягивать из Лауры деньги.

Он почувствовал, что она дергает его за рукав.

– Посмотри, какая красота! Она так счастлива, так безмятежна.

– Кто? Где? – спросил он.

– Мадонна, – ответила она. – Она обладает какой-то неземной силой, которую излучает на всех. Ты тоже это почувствовал?

– Наверное. Я не знаю. Здесь слишком много народу. Она изумленно взглянула на него.

– А какое это имеет значение? Какой ты смешной. Ну, ладно, давай уйдем отсюда. Мне хочется купить открыток.

Разочарованная полным отсутствием интереса со стороны мужа, Лаура стала пробираться через толпу туристов к двери.

– Послушай, – отрывисто проговорил он, когда они оказались на улице, – у нас еще масса времени, давай побродим немного, а потом займемся открытками, – и свернул с дорожки, которая вела к центру, запруженному толпами людей и ларьками, на узенькую тропинку, упиравшуюся в канал. Вид медленно и безмятежно текущей воды, резко контрастировавший с залитой слепящим светом площадью, подействовал на него успокаивающе.

– Ну и зачем мы сюда пришли, ведь дальше идти некуда, – заметила Лаура. – И здесь грязно, нельзя присесть. К тому же мы не видели еще много из того, что описано в путеводителе.

– О, забудь о нем, – нетерпеливо проговорил он и, усадив ее рядом с собой на скамью, обнял за плечи. – Сейчас слишком жарко, чтобы осматривать достопримечательности. Смотри, вон там плывет крыса.

Он подобрал камень и швырнул его в воду. Крыса, или кто это был, нырнула, и на поверхности воды остались только пузыри.

– Не надо, – попросила Лаура. – Это жестоко. – Внезапно она положила руку ему на колено. – Как думаешь, Кристина и сейчас сидит между нами?

Он ответил не сразу. Да и что он мог сказать? Неужели ему суждено вечно жить с этим?

– Надеюсь, – наконец медленно проговорил он. – Наверное, ты чувствуешь, что она здесь.

Не заболел Кристина менингитом, который оказался для

нее смертельным, она сейчас радостно скакала бы по набережной, скинула бы туфельки, обязательно зашла в воду, а Лаура с беспокойством следила бы за ней. «Дорогая, осторожнее, вернись...».

– Эта женщина сказала, что она выглядела такой счастливой, что она сидела рядом с нами и улыбалась, – сказала Лаура. Она встала, одернула платье. Ее настроение опять изменилось: ее охватило нетерпение. – Пойдем, давай вернемся, – попросила она.

Он похолодел и послушно последовал за ней. Он понял, что на самом деле ею руководило не желание купить открытки или осмотреть все достопримечательности, она стремилась еще раз увидеть этих старух – не обязательно заговорить с ними, только оказаться рядом. Когда они вышли на площадь, он увидел, что толпа туристов значительно поредела. Сестер не было. Должно быть, они присоединились к группе, которая прибыла в Торселло на пароме. Он почувствовал облегчение.

– Посмотри, во втором ларьке целая куча открыток, – быстро проговорил он, – и очень симпатичные шарфики. Позволь купить тебе один.

– Дорогой, у меня и так их достаточно! – запротестовала она. – Не трать зря деньги.

– Я и не трачу. Меня охватила страсть к покупкам. Что ты скажешь об этой корзинке? Ты же знаешь, у нас всегда их не хватает. А вот это кружево? Как ты думаешь?

Смеясь, она позволила подвести себя к ларьку. Он принялся рыться в наваленных на прилавке вещах и болтать с улыбающейся продавщицей, у которой его ужасный итальянский вызывал приступы смеха. Он понимал, что чем дольше он будет здесь торчать, тем больше будет у туристов времени дойти до пристани и сесть на катер, и тогда эти старухи-близнецы навсегда исчезнут из их жизни.

– Никогда, – спустя двадцать минут говорила Лаура, – никогда еще в такой крохотной корзиночке не умещалась такая куча ненужных вещей, – ее гортанный смех убедил его, что все в порядке, что не надо больше беспокоиться, что зло осталось позади. Катер, на котором они прибыли из Венеции, ждал их у причала. Все их попутчики – американцы, мужчина с моноклем – уже собрались. Когда они только брали билеты на этот катер, он подумал, что цены слишком высоки. Сейчас же цены больше не вызывали у него недовольства – ошибкой было вообще отправиться из Венеции в Торселло. Они заняли свои места, и катер, промчавшись по каналу, оказался в лагуне. Где-то впереди маячил паром, направлявшийся в Мурано, а их путь лежал в Сан-Франческо дель Дезерто и далее в Венецию.

Он обнял ее и притянул к себе. На этот раз она ответила ему, улыбнувшись и склонив голову ему на плечо.

– Сегодня был такой замечательный день, – сказала она. – Я никогда не забуду его, никогда. Понимаешь, дорогой, я наконец получила возможность насладиться нашим отдыхом.

Ему хотелось закричать от радости. «Все будет хорошо, – решил он, – пусть она верит в то, что ей нравится, – разве это так уж и важно, если она счастлива». Перед ним возникла красота Венеции, дворцы и соборы, четко выделяющиеся на фоне подкрашенного закатом неба. Они будут ходить на экскурсии, бродить вдвоем – из-за того, что у нее изменилось настроение, их совместные прогулки станут настоящим наслаждением. Тень, омрачавшая их прошлое, исчезла, и он принялся вслух рассуждать о том, как они проведут сегодняшний вечер, где они пообедают – не в том ресторане, куда они обычно ходят, а в каком-нибудь другом, неизвестном.

– Хорошо, но там должно быть дешево, – предупредила Лаура, поддавшись его приподнятому расположению духа, – потому что мы уже и так слишком много истратили.

Их отель, находившийся рядом с Большим каналом, выглядел очень уютным. Порттье улыбнулся им и протянул ключ. Спальня с расставленными на туалетном столике безделушками Лауры казалась такой же знакомой и привычной, как их дом, однако ее наполняла атмосфера праздника, ожидания радости, чего-то нового и таинственного. Подобная атмосфера присуща только тем спальням, в которых люди проводят свой отпуск. Эта спальня принадлежит нам, пока мы здесь, мы возвращаем ее к жизни. Когда мы уедем, она перестанет существовать, она исчезнет в массе таких же безликих спален. Он повернул оба крана в ванной, от воды стал

подниматься пар. «Сейчас, – подумал он, – сейчас наконец настал момент, когда можно заняться любовью». Он вошел в спальню, и она поняла его, раскрыла объятия и улыбнулась. Какое же это облегчение после стольких недель нечеловеческого напряжения.

– Кстати, – говорила она позже, вдевая в уши серьги, – я не так уж и голодна. Может, мы пообедаем здесь, в отеле?

– О Господи, нет! – воскликнул он. – А вокруг нас будут сидеть эти жуткие парочки? У меня зверский аппетит. И мне весело. И хочется напиться.

– Надеюсь, ты не собираешься пойти в ресторан, в котором свет режет глаза и громыхает музыка?

– Нет, нет... мне хочется посидеть в маленькой пещерке, где полумрак создает интимную атмосферу, в таком простеньком ресторанчике, куда мужчины водят чужих жен.

– Гм, – фыркнула Лаура, – я понимаю, что это значит. Ты заметишь какую-нибудь итальяночку лет шестнадцати и будешь весь вечер тарашиться на нее, а мне останется в одиночестве разглядывать широченные спины мужчин.

Продолжая шутить и смеяться, они вышли на улицу и погрузились в очарование теплого и нежного вечера.

– Давай пройдемся, – предложил он, – пройдемся и нагуляем себе аппетит, чтобы потом наестся до отвала.

Они не заметили, как оказались рядом с Моло. На воде покачивались гондолы, издавая при этом тихий плеск; свет смешивался с тенью. Навстречу им попадались парочки, ко-

торые, подобно им, получали удовольствие от того, что без всякой цели бродили по улицам; шумные группы жестикулирующих моряков; темноглазые девицы, стук их каблучков эхом отдавался от стен и воды.

– В Венеции, – сказала Лаура, – стоит тебе оказаться на улице, и любая прогулка превратится в бесконечность: вот, пройдем по этому мостику, говоришь себе, и назад, но тут появляется еще один мостик, который так и манит тебя. Уверена, что в этом районе нет ресторанов, мы почти подошли к городским паркам. Давай вернемся. Где-то рядом с церковью св. Захарии есть ресторанчик, к нему ведет узенький переулок.

– Послушай, – ответил Джон, – если мы пойдем по этой улице, мы минуем Арсенал, потом перейдем мост и повернем налево, – и окажемся у этой же церкви, но с другой стороны. Мы ведь только на днях утром прошли этой дорогой.

– Да, но тогда был день. А сейчас мы можем заблудиться: улица очень плохо освещена.

– Не ворчи. У меня есть чутье.

Они повернули на Фондамента делль Арсеналь, прошли по мосту, миновали церковь св. Мартина. Впереди канал разделялся на правый и левый, вдоль рукавов шли узенькие улочки. Джон колебался. В какую сторону они повернули в прошлый раз?

– Вот видишь, – настаивала Лаура, – я же говорила, что мы заблудимся.

– Глупости, – уверенно ответил Джон. – Мы пойдем вдоль левого канала, я помню тот мостик.

Канал был узким, казалось, дома, расположенные по обеим сторонам, смыкаются над ним. При свете дня, когда солнце отражалось в воде, а окна домов были распахнуты и в воздухе слышалось пение сидевшей в клетке канарейки, канал казался уютным убежищем от толчеи. Теперь же, погруженный почти в полный мрак, с закрытыми окнами домов, он производил совершенно противоположное впечатление и казался жалким и запущенным. Длинные узкие лодки, пришвартованные к скользким ступеням причалов, выглядели, как гробы.

– Я уверена, что не помню этого моста, – проговорила наконец Лаура и положила руку на перила, – и мне не нравится вот тот темный переулок.

– Впереди есть фонарь, – сказал Джон. – Я знаю, где мы находимся, недалеко от Греческого квартала.

Они перешли мост и собрались было направиться к переулку, как внезапно услышали крик. Он раздался из одного из домов, расположенных на противоположной стороне канала, однако определить, из какого именно, было практически невозможно.

– Что это? – прошептала Лаура.

– Какой-нибудь пьянчуга орет, – ответил Джон. – Пошли. Больше похоже не на крик пьяного, а на вопль о помощи, как будто кого-то душат, и звук замирает по мере того, как

затягивается петля.

– Надо вызвать полицию, – сказала Лаура.

– О, ради Бога, – ответил Джон. Она забыла, где находится, думает, что мы на Пиккадилли?

– Я не могу, здесь страшно, – проговорила она и быстрым шагом направилась в переулок. Джон колебался. Внезапно он краем глаза увидел крохотную фигурку, которая выбежала из подвала дома напротив и прыгнула в стоящую у пристани узкую лодку. Это была девочка, маленькая девочка – вряд ли ей больше пяти-шести лет. Она была одета в короткую юбку и жакет, на голове была странная шляпка. Возле пристани были причалены четыре лодки, и девочка с удивительной ловкостью перепрыгивала с одной на другую. По всей видимости, она пыталась от кого-то убежать. Вдруг ее нога соскочила, и у Джона перехватило дыхание – она была всего в двух футах от воды. Но девочка удержала равновесие и побежала по лодкам дальше. Наклонившись, она потянула за веревку, отчего лодка развернулась и встала поперек канала, касаясь при этом кормой противоположной пристани. Девочка спрыгнула на пристань и исчезла в подъезде дома, а лодка продолжала медленно вращаться на середине канала. Все это заняло не более четырех минут. Тут он услышал шаги. Вернулась Лаура. Он возблагодарил Господа за то, что она ничего не заметила. Вид девочки, маленькой девочки, которая, должно быть, оказалась в опасности – то, чему он только что был свидетелем, было, по всей видимости, по-

следствием того жуткого вопля, – пагубно сказался бы на ее психическом состоянии.

– Что ты делаешь? – спросила она. – Я не решилась идти одна. Этот переулок разветвляется.

– Извини, – ответил он. – Иду.

Он взял ее под руку, и они быстрым шагом пошли по переулку. Джон пытался держаться уверенно, хотя никакой уверенности он не ощущал.

– Ты слышал еще какие-нибудь крики? – спросила она.

– Нет, – сказал он, – нет, я ничего не слышал. Уверяю тебя, это кричал какой-то пьянчуга.

Переулок привел их к заброшенному дворику какой-то незнакомой им церкви. Пройдя через дворик, они вышли на улицу, потом прошли по мосту.

– Подожди, – сказал он. – Думаю, нам лучше повернуть направо. Так мы выйдем к Греческому кварталу, а там рукой подать до церкви св. Георгия.

Она промолчала. Она уже ни в чем не была уверена. Это место походило на лабиринт. Можно до бесконечности блуждать по этому лабиринту и опять оказаться около моста, где они слышали крик. Но он упрямо вел ее вперед и внезапно, к своему полному удивлению, увидел впереди людей, прогуливающихся по залитым светом улицам. Показалась церковная колокольня, и он понял, где они находятся.

– Я же говорил тебе, – сказал он. – Это церковь св. Захарии, мы нашли ее. Твой ресторан недалеко.

Какая разница, в каком ресторане обедать – главное, что улицы освещены, что вокруг движение. Вдоль канала прогуливаются люди, и вокруг царит та атмосфера, которая присуща любому городу, ставшему местом паломничества туристов.

Неоновые буквы «Ресторан» были как путеводная звезда, светившая им в конце левого ответвления переулка.

– Тебе сюда хотелось прийти? – спросил он.

– Откуда я знаю, – проговорила она. – Какая разница? Давай поедим.

Когда они вошли в переполненный зал, по которому сновали официанты, их обдало горячим воздухом, и они погрузились в шум голосов и смех, их окутали ароматы спагетти и вина.

– Вас двое? Сюда, пожалуйста.

«Почему, – подумал он, – англичане так выделяются?». Зажатый в угол маленький столик, огромное меню, написанное неразборчивыми каракулями, и склонившийся в ожидании заказа официант.

– Два очень больших «Кампари» с содовой, – сказал Джон. – А потом мы изучим меню.

Он не собирался спешить. Он протянул ей меню и огляделся по сторонам. В основном итальянцы, – значит, здесь хорошо кормят. А потом он увидел их. В дальнем углу зала. Сестер-близнецов. Должно быть, они вошли сразу же за ним и Лаурой, потому что они как раз вешали свои жакеты

на спинки стульев, устраиваясь за столиком, а возле них стоял официант. «Это не может быть простым совпадением», – раздраженно подумал Джон. Они, наверное, увидели их с Лаурой на улице и последовали за ними. Ну почему во всей Венеции они выбрали именно этот ресторан, если не предположить, что... что Лаура сама, еще в Торселло, предложила им встретиться. А может, это предложение исходило от сестер? «Маленький ресторанчик возле церкви св. Захарии, мы иногда там обедаем». Ведь именно Лаура, перед тем как они отправились на прогулку, заговорила об этой церкви...

Она все еще изучала меню, поэтому не заметила сестер. Но она может в любой момент поднять глаза. Хоть бы скорее принесли коктейли. Лауре будет на что отвлечься.

– Я вот что думаю, – быстро заговорил он, – завтра нам надо сходить в гараж, взять машину и съездить в Падую. Там мы осмотрим собор, прикоснемся к могиле св. Антония, взглянем на фрески Джотто, а обратно поедем по той дороге, вдоль которой стоят описанные в путеводителе виллы.

Бесполезно. Она подняла глаза, оглядела посетителей и удивленно вскрикнула. Ее удивление было искренним. Никакой фальши – он может поклясться в этом.

– Посмотри, – сказала она, – как удивительно! Как здорово!

– Что? – резко спросил он.

– Они здесь. Мои замечательные старушки. Они тоже заметили нас. Они смотрят в нашу сторону. – Радостная, сия-

ющая, она помахала рукой. Та сестра, с которой она разговаривала в Торселло, поклонилась и улыбнулась. «Лживая старая сука, – подумал он. – Я уверен, что они следили за нами».

– О дорогой, я должна поговорить с ними, – внезапно решила Лаура, – я должна рассказать им, как я счастлива, поблагодарить их.

– Ради всего святого! – взмолился он. – Смотри, принесли «Кампари». И ты еще не сделала заказ. Разве ты не можешь подождать, когда мы пообедаем?

– Я очень быстро, – сказала она, – и я буду есть только «скампи». Я же говорила, что не голодна.

Она встала и, задев подошедшего официанта, направилась в другой угол зала. Создавалось впечатление, будто она встретила своих самых близких друзей. Он наблюдал, как она склонилась над столиком и пожала обеим сестрам руку, затем пододвинула стоявший рядом свободный стул и села, продолжая при этом что-то говорить и улыбаться. Казалось, встреча не удивила сестер, по крайней мере ту, с которой Лаура разговаривала в Торселло. Она слушала, кивала, что-то отвечала, а ее слепая сестра оставалась безучастной.

«Ну ладно, – подумал охваченный бешенством Джон, – тогда я на самом деле напьюсь». Он залпом выпил свой «Кампари» с содовой, заказал еще один. Выбрав для себя блюдо, названия которого не разобрал, он сделал заказ и в последний момент вспомнил, что нужно заказать «скампи»

для Лауры.

– И еще бутылку «Соав», – добавил он, – на льду. Вечер испорчен бесповоротно. Вечер, который должен был стать их общим праздником, теперь же был омрачен гнетущим видением: бедная умершая Кристина сидит с ними за столом. Какая же это глупость: будь она жива, ее уже давно уложили бы спать. Горький привкус «Кампари» как нельзя лучше соответствовал внезапно охватившей его жалости к самому себе. Он внимательно наблюдал за столиком в дальнем углу зала. Очевидно, Лаура слушала, что говорит ей зрячая сестра, в то время как слепая молчала, а взгляд ее невидящих глаз был опять же устремлен на него.

«Она шарлатанка, – подумал он, – никакая она не слепая. Обе они – самые настоящие мошенницы, как мы и предполагали в Торселло, они с таким же успехом могут быть передетыми мужчинами, и охотятся они за Лаурой».

Он приступил ко второму «Кампари» с содовой. Две порции, выпитые на пустой желудок, сразу же оказали воздействие. Видение расплылось. А Лаура продолжала сидеть за тем столиком, задавая один вопрос за другим, и зрячая старуха отвечала ей. Появился официант со «скампи», принес ли блюдо, которое Джон заказал для себя. Трудно было разобрать, что ему предстояло есть, так как вся тарелка была залита жгучим соусом.

– Сеньора еще не вернулась? – поинтересовался официант. Джон угрюмо покачал головой, указывая пальцем на

противоположный угол зала.

– Скажите сеньоре, – сказал он, тщательно выговаривая слова, – что ее «скампи» остынет.

Он уставился на стоявшую перед ним тарелку. Осторожно ковырнул вилкой. Белый соус стек к краям, открыв два огромных круглых ломтя, которые оказались вареной свиной. Он отрезал кусок и принялся жевать. Точно, это свинина, жирная, сочная, на удивление сладкая – наверное, из-за соуса. Он положил вилку, отодвинул тарелку и увидел, что через зал идет Лаура. Она села рядом с ним. Ничего не сказала. «Это к лучшему, – подумал он, – а то его так сильно тошнит, что он не способен отвечать». И не из-за выпитого «Кампари» – это реакция на весь этот кошмарный день. Она принялась за еду, продолжая молчать. Казалось, она не замечает, что он не ест. Официант, обеспокоенно склонившись возле него, но всей видимости понял, что Джон ошибся в выборе, и убрал тарелку. «Принесите мне салат из зелени», – пробормотал Джон, но Лаура все равно не проявила никаких признаков удивления, тогда как в обычных условиях она принялась бы ругать его за то, что он слишком много выпил. Наконец, когда она доела «скампи» и выпила вино, от которого отказался Джон, лениво жуя свой салат подобно больному кролику, она начала говорить.

– Дорогой, – сказала она, – я знаю, что ты не поверишь, что это может даже испугать тебя, но после ресторана в Торселло сестры направились в собор – как и мы, хотя мы и не

заметили их в толпе, – и у слепой было еще одно видение. Она сказала, что Кристина сообщила ей, будто нам с тобой опасно оставаться в Венеции. Кристина хотела, чтобы мы как можно скорее уехали.

«Приехали, – подумал он. – Они считают, что могут управлять нами. Теперь у нас начнутся проблемы. Что мы едим? Когда мы встаем? Когда ложимся спать? Во всем надо советоваться с сестрами-близнецами. Они дадут указания».

– Ну? – проговорила она. – Почему ты молчишь?

– Потому, что ты оказалась права, – ответил он, – я не верю этому. Честно говоря, я считаю, что эти твои старухи просто с причудами, если не сказать больше. Совершенно очевидно, что они не в себе. Прости, если мои слова причинили тебе боль, но дело в том, что они поняли: из тебя можно кое-что вытянуть.

– Ты несправедлив, – сказала Лаура. – Они нормальные, я уверена в этом. Я просто знаю это. Они совершенно искренни в том, что говорят.

– Хорошо. Поверим на слово. Они искренни. Однако это не делает их нормальными. Ну, послушай, дорогая, ты виделась с одной из сестер всего десять минут в туалете. Она сообщает тебе, что видит Кристину между нами – любой человек, обладающий телепатическими способностями, запросто выяснит, что у тебя в подсознании, а потом, как всякий специалист в психиатрии, окрыленная своим успехом, она вводит тебя в состояние экстаза и требует, чтобы мы убралась

из Венеции. Прости, но мне это осточертело.

Зал перестал кружиться у него перед глазами. Все его существо охватил гнев. Если ему не удастся пристыдить Лауру, он встанет, подойдет к столику этих старух и пошлет старых дур подальше.

– Я знала, что ты именно так воспримешь мои слова, – расстроено проговорила Лаура. – Я им это сказала. Они просили меня не беспокоиться. Как только мы уедем из Венеции, все станет на свои места.

– О, ради Бога! – взмолился Джон. Передумав, он налил себе вина.

– В конце концов, – продолжала Лаура, – мы уже все посмотрели в Венеции. Я не против, если мы отправимся в другое место. А если мы останемся – я понимаю, это звучит глупо, но у меня дурное предчувствие, – я буду постоянно думать, что наша любимая Кристина мучается от того, что не может заставить нас уехать.

– Хорошо, – совершенно спокойно ответил Джон, – решено. Мы уедем. Предлагаю немедленно отправиться в отель и предупредить управляющего о нашем отъезде. Ты сыта?

– О, дорогой, – вздохнула Лаура, – не надо так относиться к этому. Послушай, ну почему бы тебе самому не поговорить с ними? Они сами тебе все объяснят. Может, к их словам ты отнесешься более серьезно. К тому же предупреждение касается главным образом тебя. Кристину больше волнуешь ты, а не я. И что самое удивительное – слепая сестра говорит,

что ты тоже медиум, но не подозреваешь об этом. Что у тебя есть какая-то связь с потусторонним миром, а у меня – нет.

– Все, конец, – проговорил Джон. – Значит, я медиум? Прекрасно. Моя интуиция мне подсказывает, что нам следует немедленно обратиться из ресторана и, как только мы вернемся в отель, решить вопрос насчет отъезда из Венеции.

Они молча ждали – Лаура, с несчастным выражением на лице, вертела в руках свою сумочку, а Джон украдкой поглядывал в сторону близнецов, которые, совсем как обычные люди, тыкали вилками в тарелки со спагетти, – пока официант выпишет счет. Джон расплатился и встал.

– Ты готова? – спросил он.

– Я хочу попрощаться с ними, – мрачно проговорила Лаура. В этот момент она была очень похожа на их покойную дочь, и воспоминание острой болью отозвалось в его сердце.

– Как хочешь, – ответил он и, ни разу не оглянувшись, пошел к выходу.

Теплая погода, располагавшая к прогулкам, сменилась дождем. Слонявшиеся по улицам туристы, как по мановению волшебной палочки, исчезли. Одинокое прохожие, спрятавшись под зонтами, спешили по своим домам. «Вот что видят жители этого города, – подумал он. – Вот правда жизни. Пустые ночные улицы. Сырая тишина канала с застоявшейся водой. А все остальное – только вывеска на ярком, сверкающем на солнце фасаде».

Подошла Лаура, и они в полном молчании направились

домой. Обойдя Дворец Дожей, они очутились на площади св. Марка. Дождь усилился, и они присоединились к группе отставших туристов, прятавшихся от дождя под колоннадой. Оркестранты, игравшие днем на площади, давно ушли. Столы с перевернутыми на них стульями сиротливо мокли под дождем.

«Правильно говорили специалисты, – подумал он, – Венеция тонет. Весь город медленно умирает. Наступит день, когда туристы будут, сидя в лодках, всматриваться в воду, пытаясь поймать мгновение, когда ветер отнесет в сторону грязь, чтобы разглядеть статуи и мраморные колонны ушедшего под воду мира камня». Их шаги гулко раздавались по пустым улицам, из водосточных желобов хлестала вода. Да, приятное окончание вечера, начало которого принесло было всплеск надежды.

Когда они вошли в отель, Лаура сразу же направилась к лифту, а Джон остановился возле стойки, чтобы взять у портье свой ключ. Портье протянул ему телеграмму. Джон удивленно уставился на нее. Лаура была уже в лифте. Наконец он распечатал конверт и увидел, что телеграмму отправил директор приготовительной школы, в которой учился Джонни.

«Джонни находится обследовании городской больницы подозрением аппендицита. Нет причин волноваться, но хирург решил, что вас необходимо поставить в известность. Чарльз Хилл».

Он дважды прочитал телеграмму и медленно направился

к лифту, где его ждала Лаура. Он протянул ей листок.

– Ее принесли в наше отсутствие, – сказал он. – Не очень-то приятные новости.

Он нажал кнопку лифта. Лифт остановился на третьем этаже, и они вышли.

– Но это решение всех проблем, не так ли? – проговорила она. – Вот тебе и доказательство. Мы вынуждены уехать из Венеции, так как нам срочно надо домой. В опасности оказался Джонни, а не мы. Именно это Кристина и пыталась передать нам через старушек.

На следующее утро Джон первым делом заказал разговор с директором школы. Потом он уведомил управляющего об отъезде, и они принялись собирать вещи. Никто из них не упоминал о событиях прошлого вечера, в этом не было необходимости. Джон знал, что полученная телеграмма и предупреждение сестер об опасности – всего лишь совпадение и ничего более. Но он не видел смысла спорить с Лаурой. Сама Лаура придерживалась противоположного мнения, однако интуитивно понимала, что лучше не проявлять своих эмоций. Во время завтрака они обсуждали, кто как будет добираться домой. Можно, конечно, вместе отправиться поездом, погрузив в него и машину. Сейчас только начало сезона, так что купить билеты на поезд Милан – Кале не составит труда. Ведь директор сказал, что причин для спешки нет.

Джон был в ванной, когда соединили с Англией. К телефону подошла Лаура. Войдя через несколько минут в спаль-

ню, он увидел, что Лаура все еще разговаривает. По выражению ее глаз он понял, что она встревожена.

– Это госпожа Хилл, – сказала она. – Господин Хилл на уроке. Она говорит, что, как сообщили из больницы, Джонни очень плохо чувствовал себя этой ночью и что хирургу, возможно, придется оперировать его, но только в крайнем случае. Рентген показал, что состояние аппендикса не критическое.

– Дай я с ней поговорю, – сказал он.

В трубке послышался успокаивающий и в то же время озабоченный голос жены директора.

– Мне жаль, что пришлось нарушить ваши планы, – говорила она, – но и Чарльзу, и мне казалось, что вам следует об этом знать, что вам захочется быть рядом с сыном. Джонни – отважный мальчик, но он несколько перевозбужден. Хирург говорит, что в этом нет ничего необычного. По его словам, иногда аппендикс смещается, что значительно усложняет дело. Сегодня вечером он примет решение относительно операции.

– Да, конечно, мы понимаем, – сказал Джон.

– Пожалуйста, попросите свою жену не беспокоиться, – продолжала она. – Больница отличная, уход великолепный, и мы очень доверяем этому хирургу.

– Да, – повторил Джон, – да, – и повернулся к Лауре, которая делала ему какие-то знаки.

– Если нам не удастся погрузить машину на поезд, я смогу

отправиться самолетом, – предложила она. – Уверена, что уж одно место у них найдется. Тогда по крайней мере один из нас будет рядом с Джонни уже сегодня вечером.

Он согласно кивнул.

– Большое спасибо, госпожа Хилл, – сказал он, – мы постараемся приехать как можно скорее. Да, я уверен, что Джонни в хороших руках. Поблагодарите вашего мужа от нашего имени. До свидания.

Он положил трубку и оглядел незастеленную постель, разложенные на полу чемоданы, разбросанные по комнате обрывки оберточной бумаги. Корзинки, карты, книги, плащи – все это они привезли с собой в машине.

– О Господи, – воскликнул он, – какая куча вещей. И все это хлам.

Опять зазвонил телефон. Это был портъе, который сообщил, что заказал им места в спальном вагоне и забронировал место для машины на следующий вечер.

– Скажите, – обратилась к нему Лаура, которая первой схватила телефонную трубку, – а вы могли бы заказать для меня один билет на самолет до Лондона, вылетающий во второй половине дня? Так получилось, что один из нас должен быть дома сегодня вечером. А мой муж отправится на поезде и заберет машину.

– Послушай, повесь трубку, – прервал ее Джон. – Для паники нет причин. Неужели двадцать четыре часа играют столь решающую роль?

Лаура была очень бледной от снедавшего ее беспокойства. Она повернулась к нему, и он увидел, что она на грани истерики.

– Может, для тебя – нет, а для меня – да, – ответила она. – Я уже потеряла одного ребенка и не хочу терять второго.

– Хорошо, дорогая, хорошо.

Он протянул к ней руку, но она нетерпеливо отмахнулась от него и возобновила свой разговор с портье. Джон продолжал упаковывать вещи. Не было смысла что-либо говорить. Пусть лучше будет так, как ей хочется. Конечно, они оба могли бы отправиться самолетом, а потом, когда все уладится и Джонни станет лучше, он вернулся бы за машиной и проехал через Францию. Хотя это путешествие было бы довольно трудным и обошлось бы слишком дорого. Жаль, что Лаура полетит самолетом, а он отправится поездом из Милана.

– Если хочешь, мы можем полететь вместе, – начал он осторожно.

Однако его идея не привела ее в восторг.

– Это самое настоящее безумие, – нетерпеливо проговорила она. – Раз я буду дома уже сегодня вечером, ты можешь спокойно ехать поездом. Кроме того, нам понадобится машина, чтобы ездить в больницу. И наши вещи. Не можем же мы уехать и оставить все здесь.

Конечно, нет. Он понял ее мысль. Глупая идея. Просто... В общем, он не меньше ее переживал за Джонни, только не собирался говорить об этом.

– Я пойду вниз и посижу возле портье, – сообщила Лаура. – Когда висишь у них над душой, они начинают работать более усердно. Все, что мне сегодня понадобится, уже собрано. Остальное привезешь на машине.

Через пять минут после ее ухода зазвонил телефон. Это была Лаура.

– Дорогой, – сказала она, – все получилось как нельзя лучше. Портье достал мне билет на чартерный рейс. Вылет из Венеции через час. Через десять минут от площади св. Марка отходит моторный катер, который отвезет пассажиров в аэропорт. Кто-то сдал билет. Менее чем через четыре часа я буду уже в Гатуике.

– Я сейчас спущусь, – ответил Джон.

Он подошел к стойке. Лаура уже не выглядела такой встревоженной и потерянной – она была полна решимости действовать. Она уже была в дороге. Он же все еще сожалел, что они не поехали вместе. Ему была нестерпима сама мысль о том, что придется провести в Венеции целый день без нее. Но как только он представил, что ему предстоит ехать на машине в Милан, одному ночевать в каком-то отеле, кое-как протянуть бесконечный день, а потом всю следующую ночь трястись в поезде, то к его беспокойству за Джонни добавилась охватившая его невыносимая тоска. Они подошли к пристани на площади св. Марка, которая, умытая вчерашним дождем, сверкала в лучах солнца. Дул легкий ветерок, в ларьках были разложены открытки, шарфы и другие сувени-

ры, а вокруг них суетились полные сил и довольные жизнью туристы, уверенные, что впереди их ждет счастливый день.

– Я позвоню тебе сегодня вечером из Милана, – сказал он. – Думаю, ты остановишься у Хиллов. Если окажется так, что в тот момент, когда я позвоню, ты будешь в больнице, обо всем расскажут мне они. А вот, должно быть, твои попутчики. Иди к ним.

Пассажиры с дорожными сумками, на которых были наклейки с американским флагом, спустились на ожидавший их катер. Все они были среднего возраста, и вид у них был как у методистских священников, обращающихся к своей пастве. Один из них подошел к Лауре, протянул ей руку и улыбнулся, показав при этом ряд сверкающих вставных зубов.

– Вы, должно быть, та дама, которая полетит вместе с нами, – сказал он. – Добро пожаловать на борт и в наш дружеский союз. Мы все рады познакомиться с вами. Жаль, что у нас не осталось места для вашего мужа.

Лаура повернулась к Джону и поцеловала его. Задрожавшие уголки ее губ указывали на то, что она едва сдерживает смех.

– Как ты думаешь, они будут распевать церковные гимны? – прошептала она. – Береги себя. Позвони мне вечером.

Капитан включил сирену, которая издала совершенно непередаваемый звук, Лаура поднялась на катер, встала возле поручней и замахала ему рукой. В своем алом плаще она

сильно выделялась на фоне других пассажиров, одетых в более мрачные тона. Еще раз взвыла сирена, и катер отчалил.

Джон стоял на пристани и смотрел им вслед, чувствуя, как его сердце заполняет ощущение невосполнимой утраты.

«На свете нет ничего более печального, чем освободившийся номер, – подумал он, оглядывая свою опустевшую спальню, – особенно когда остались кое-какие мелочи, напоминающие о бывших жильцах». Чемоданы Лауры на кровати, ее плащ, который она решила с собой не брать. Рассыпавшаяся пудра на туалетном столике. Выброшенный в корзину для мусора клочок салфетки со следами губной помады. Даже лежащий на полочке под зеркалом в ванной использованный тюбик зубной пасты. Как всегда, через открытое окно доносился шум оживленного движения на Большом канале, но сейчас рядом с ним не было Лауры, которой нравилось слушать этот шум или с крохотного балкончика наблюдать за снующими взад и вперед судами. Никакого удовольствия. Никаких чувств.

Джон закончил собирать вещи и спустился вниз, чтобы оплатить счет. Портье занимался вновь прибывшими клиентами. Люди сидели на террасе, с которой открывался вид на Большой канал, читали газеты и строили планы на ожидавший их приятный день.

Джон решил пообедать пораньше, и не в городе, а здесь, в отеле, на террасе, а потом попросить, чтобы носильщик доставил его вещи к парому, который курсировал между пло-

щадью св. Марка и Порты Рома, где в гараже стояла машина. Он чувствовал себя страшно голодным после неудавшегося вчера ужина и с жадностью накинулся на принесенную закуску. Однако даже здесь, в ресторане, все изменилось. У старшего официанта, с которым они были в дружеских отношениях, был выходной, а столик, за которым они обычно сидели, был занят новыми постояльцами. «Это молодожены, приехавшие в Венецию на свой медовый месяц», – сказал себе Джон, увидев, как они весело улыбаются друг другу. Его проводили к столику на одного, расположенному за вазой с цветами.

«Она уже в воздухе, – подумал он, – она уже на пути домой». Он представил, как Лаура сидит между двумя священниками и, без сомнения, рассказывает им о находящемся в больнице Джонни. Только Богу известно, о чем еще она им рассказывает. Как бы то ни было, эти старухи-близнецы могут жить спокойно в своем мире медиумов: их желания исполнены.

Время обеда подошло к концу, и он быстро допил свой кофе. Его охватило желание как можно скорее уехать, забрать машину и отправиться в Милан. Он попрощался с управляющим и в сопровождении носильщика, который катил перед собой тележку с его багажом, опять направился к причалу на площади св. Марка. Как только он ступил на паром, предварительно разместив рядом с собой багаж, и смешался с толпой пассажиров, его внезапно охватила грусть из-за того, что

ему приходится покидать Венецию. Когда, спросил он себя, они опять приедут сюда? А может, никогда? В следующем году... через три года... Впервые они увидели Венецию десять лет назад, когда проводили здесь свой медовый месяц. Второй раз они были проездом, отправляясь в круиз. И вот третий раз – не принесшие никакого облегчения, так внезапно закончившиеся десять дней.

Вода сверкала в лучах солнца, дома сияли, туристы в солнцезащитных очках прогуливались вдоль удаляющейся набережной. Вот и терраса их отеля сейчас скроется за другими домами. Как много впечатлений осталось у них после поездки в Венецию: знакомые фасады, балконы, окна, плеск воды о ступени дворцов, маленький красный домик с садиком – здесь жил рыцарь ордена Аннунциаты. «Наш домик», – называла его Лаура. Очень скоро паром повернет налево, и ему не суждено будет в последний раз взглянуть на самую красивую часть Большого канала, Риальто и дворцы.

Навстречу им плыл другой паром, полный пассажиров. На какое-то мгновение у него возникло желание оказаться среди этих веселых туристов, которые направлялись в Венецию и ко всему тому, что он оставил. И тут он увидел ее, Лауру, в ее алом плаще, рядом со старухами-близнецами. Зрячая старуха держала Лауру под руку и что-то ей горячо доказывала, а Лаура, с развевающимися на ветру волосами, отвечала ей, сопровождая свои слова жестами. На ее лице было написано страдание. Он изумленно уставился на них. Он был так оше-

ломлен, что забыл помахать им. Однако они вряд ли увидели бы или услышали бы что-либо, так как паромы, проскочив мимо друг друга, стали удаляться.

Что, черт побери, происходит? Должно быть, задержали чартерный рейс – но почему тогда Лаура не позвонила ему в отель? И при чем тут эти проклятые старухи? И почему она так печальна? Он не мог найти объяснения. Возможно, рейс отменили. Лаура, естественно, сразу же отправилась бы в отель в надежде застать его там, собираясь, без сомнения, отправиться вместе с ним в Милан и поехать домой поездом. Чертовщина какая-то. Единственное, что ему остается, – это позвонить в отель, как только паром причалит к пристани, и попросить ее подождать – он вернется и заберет ее. Что касается чертовых сестер, которые постоянно во все вмешиваются, – пусть они катятся куда подальше.

Как только паром причалил, начались обычные в таких случаях толчея и суматоха. Ему пришлось нанять носильщика, чтобы перенести с парома свой багаж, потом он вынужден был ждать, пока тот найдет телефон. Поиски мелочи и выяснение номера заняли еще какое-то время. Наконец он дозвонился. Ему посчастливилось: у стойки дежурил портье, который их знал.

– Послушайте, произошло что-то странное, – начал он и объяснил, что Лаура сейчас возвращается в отель, он видел ее на пароме в обществе двух знакомых. Не будет ли портье так любезен попросить ее подождать? Он вернется со следу-

ющим паромом и заберет ее. – В любом случае задержите ее, – попросил он. – Я скоро приеду. – Портье ответил, что все понял, и Джон повесил трубку.

Слава Богу, он успел предупредить портье до приезда Лауры, в противном случае тот сказал бы ей, что Джон отправился в Милан. Носильщик все еще ждал его, и Джон решил пройти вместе с ним до гаража, оставить вещи у служащего и попросить того присмотреть за ними в течение часа, объяснив, что сам он за это время съездит за женой, а потом заберет машину. Он вернулся на пристань и стал ждать паром, идущий в Венецию. Он постоянно задавал себе один и тот же вопрос: что могло случиться в аэропорту и почему Лаура не позвонила? Ну зачем строить догадки. Она сама все ему расскажет, когда он вернется в отель. В одном он был уверен: он не допустит, чтобы эти сестры сели им на шею и вмешивались в их дела. Он представил, как Лаура будет уверять, что они опоздали на самолет, и заявит, что они могли бы подвезти старушек до Милана.

Наконец к пристани причалил паром, Джон поднялся на него и занял место. Какая радость вернуться в знакомые места, с которыми он только что попрощался! Его охватывало такое нетерпение, что он не мог смотреть по сторонам. На площади св. Марка народу было больше, чем обычно, жаждущие развлечений туристы толпами прогуливались под полуденным солнцем.

Он подошел к отелю и толкнул вращающуюся дверь, ожи-

дая увидеть в холле Лауру и, возможно, старух. Но ее там не было. Он подошел к стойке. Портье, с которым он говорил по телефону, что-то обсуждал с управляющим.

– Моя жена приехала? – спросил Джон.

– Нет еще, сэр.

– Как странно. Вы уверены?

– Абсолютно, сэр. Я не отходил с того момента, как вы позвонили мне без четверти два. Я все время был за стойкой.

– Я ничего не понимаю. Я видел ее на пароме, который плыл мимо Академии. Она обязательно вышла бы на площади св. Марка и направилась бы в отель.

Казалось, портье был в замешательстве.

– Не знаю, что и сказать. Вы сказали, сеньора была с друзьями?

– Да. Скорее со знакомыми. С двумя дамами, с которыми мы вчера познакомились в Торселло. Я очень удивился, когда увидел ее с ними на пароме, и решил, что рейс отложили, что она встретилась с ними в аэропорту и они вместе вернулись сюда, чтобы успеть застать меня до отъезда в Милан.

Черт подери, что Лаура задумала? Уже начало четвертого. Пристань на площади св. Марка всего в двух шагах от отеля.

– Возможно, сеньора отправилась в отель к своим знакомым? Вы знаете, где они остановились?

– Нет, – ответил Джон. – Не имею ни малейшего представления. Более того, я даже не знаю, как их зовут. Это две сестры, близнецы, они похожи как две капли воды. Ну, хорошо,

даже если и так, – все равно, зачем ехать в чужой отель?

Кто-то толкнул входную дверь, но это была не Лаура. В холл вошли двое.

Управляющий прервал разговор.

– Вот что я сделаю, – сказал он. – Я позвоню в аэропорт и выясню насчет рейса. Это даст нам хоть какую-то информацию,

– Да, будьте добры, – согласился Джон. – Может, мы узнаем, что там случилось.

Он закурил и принялся шагать взад вперед по холлу. Какая-то чертовщина. Это не похоже на Лауру, ведь она должна была помнить, что сразу после обеда он собирался выехать в Милан, – в самом деле, она знала, что он может уехать даже раньше. Но если бы рейс отменили, она обязательно позвонила бы сразу же, как только приехала в аэропорт, правильно? Джону казалось, что прошла целая вечность, – так долго управляющий пытался дозвониться до аэропорта. Он слишком быстро говорил на итальянском, поэтому Джон не мог уследить за его словами. Наконец он повесил трубку.

– Все кажется гораздо более таинственным, сэр, – сказал он. – Чартерный рейс не откладывали, он вылетел по расписанию. Со всеми пассажирами на борту. Как они мне сказали, они не задержались ни на минуту. Должно быть, сеньора просто передумала. – На его лице расплылась извиняющаяся улыбка.

– Передумала, – повторил Джон. – Но почему? Она соби-

ралась к вечеру быть дома.

Управляющий пожал плечами.

– Вы знаете, что женщины непредсказуемы, сэр, – проговорил он. – Должно быть, ваша супруга решила, что лучше она поедет поездом вместе с вами. Уверяю вас, все пассажиры на этом чартерном рейсе – уважаемые люди, да и «Каравелла» – безопасный самолет.

– Да, да, – нетерпеливо проговорил Джон, – я вас ни в чем не виню. Просто я никак не могу понять, что заставило ее передумать, если только не встреча с теми дамами.

Управляющий молчал. Ему нечего было сказать.

– Может быть, – вмешался обеспокоенный портье, – вы ошиблись, и это была не сеньора?

– О, нет, – ответил Джон, – это была моя жена, поверьте мне. Она была в алом плаще, без шляпки: она была в том, в чем уехала отсюда. Я видел ее так же четко, как вас. Могу поклясться в этом.

– Жаль, – сказал управляющий, – что мы не знаем, как зовут тех двух дам и в каком отеле они остановились. Вы говорите, что виделись с ними вчера в Торселло?

– Да, но очень недолго. Они живут не там. По крайней мере, я в этом уверен. Потом я случайно видел их за ужином в Венеции.

– Прошу прощения... – Прибыли новые гости, и портье пришлось заняться ими.

Охваченный отчаянием, Джон повернулся к управляюще-

му.

– Как вы считаете, может, стоит позвонить в отель в Торселло: а вдруг кто-нибудь знает, как их зовут или где они остановились в Венеции?

– Можно попробовать, – ответил управляющий. – Надежды мало, но мы попытаемся.

Джон опять стал ходить по холлу, не сводя глаз с вращающейся двери в надежде увидеть алый плащ. Опять ему пришлось ждать, когда закончится бесконечный телефонный разговор между управляющим и кем-то из отеля в Торселло.

– Скажите им: две сестры, – сказал Джон, – две пожилые дамы, одетые в серое. Похожие как две капли воды. Одна из них слепая, – добавил он.

Управляющий кивнул. Очевидно, он как раз описывал этих старух. Повесив трубку, он покачал головой.

– Управляющий в Торселло говорит, что он хорошо помнит этих дам, – обратился он к Джону, – но они заходили в отель только пообедать. Он не знает, как их зовут.

– Вот и все. Остается ждать.

Джон закурил третью сигарету и, выйдя на террасу, опять принялся шагать из угла в угол. Он пристально вглядывался в лица пассажиров с проплывавших мимо паромов, моторных лодок, гондол. Время шло, а Лаура не показывалась. У него возникло неприятное предчувствие, что все было заранее подстроено, что Лаура не собиралась лететь самолетом,

что вчера вечером в ресторане она договорилась с сестрами о встрече. «О Боже, – подумал он, – этого не может быть. У меня начинается паранойя... Но почему, почему? Нет, скорее всего встреча в аэропорту была случайной, и каким-то совершенно непостижимым образом им удалось уговорить Лауру не лететь. Может, они сказали, что у них было видение, будто самолет упадет, и она должна вернуться с ними в Венецию. А Лаура, сейчас особенно восприимчивая, согласилась с ними, решив, что они правы, и без всяких вопросов поверила их болтовне».

Допустим, но почему она не вернулась в отель? Что она собирается делать? Четыре часа, половина пятого. Солнце больше не расцветивает воду яркими бликами. Он вернулся к стойке.

– Я поищу ее, – сказал он. – Даже если она сегодня уже не появится, я все равно не успею на поезд. Может, я увижу ее на площади св. Марка или еще где-нибудь. Если она придет, когда меня не будет, вы, надеюсь, ей все объясните?

Портье проявил живейший интерес и заботу.

– Обязательно, конечно, – сказал он. – Вы очень волнуетесь, сэр. Возможно, будет благоразумнее забронировать для вас номер на эту ночь?

Джон безнадежно махнул рукой.

– Может быть, я не знаю. Может быть...

Он вышел через вращающуюся дверь и направился в сторону площади св. Марка. Он заглядывал в каждый магазин,

во все крытые переходы, несколько раз пересек площадь, прошелся между столиками, расположенными у входа в рестораны «Флориан» и «Куарди», зная, что необычная внешность старух и красный плащ Лауры будут выделяться на фоне толпы, – но их нигде не было. Он влился в поток покупателей в торговом центре «Мерсериа», смешался с бесцельно слоняющимися любителями разглядывать витрины, инстинктивно сознавая, что все его усилия тщетны, – их там нет. Ну разве могла Лаура отказаться от возвращения домой ради того, чтобы побродить по магазинам? Если даже и так – хотя он не мог найти объяснения подобному поступку, – она все равно сначала зашла бы в отель.

Единственная надежда – разыскать старух. Они могли остановиться в одном из сотен отелей или пансионатов, разбросанных по всей Венеции, или даже дальше, в Заттере или Гуидечче. Хотя последнее маловероятно. Скорее всего, они живут в маленьком отеле или пансионе где-то рядом с церковью св. Захарии, поблизости от ресторана, где они вчера вечером обедали. Ведь слепая не может далеко уходить от дома. Какой же он дурак, что не подумал об этом раньше. Он развернулся и направился в квартал с более узкими улицами, где они вчера ужинали, все дальше удаляясь от залитого светом торгового центра. Он без труда отыскал ресторан, но он еще был закрыт, и официант – но не тот, который обслуживал их вчера, – накрывал столы. Джон сказал, что хотел бы поговорить с управляющим. Официант исчез и вернулся

через пару минут в сопровождении всклокоченного хозяина, который был без пиджака, так как наслаждался последними свободными минутами перед открытием.

– Я вчера ужинал здесь, – начал объяснять Джон. – Вчера здесь были две дамы, они сидели вон за тем столиком в углу. – Он показал рукой.

– Вы хотели бы заказать этот столик на вечер? – спросил хозяин.

– Нет, – ответил Джон. – Нет. Здесь вчера были две дамы, две сестры, *due sorelle*, близнецы, *gemelle*. – Ну как им объяснить? – Вы помните их? Две пожилые дамы, *sorelle vecchie*...

– А, – воскликнул хозяин, – *si, si, signore, la povera signorina*. – Он приложил к глазам руки, объясняя тем самым, что одна из дам была слепая. – Да, я помню.

– Вы знаете, как их зовут? – спросил Джон. – Где они живут? Мне срочно надо найти их.

Хозяин развел руками, выражая свое сожаление.

– Мне очень жаль, сеньор, я не знаю, как звали этих сеньорин. Они были здесь один, может, два раза, заходили победать. Они не говорили, где остановились. Возможно, вы встретите их у нас сегодня вечером? Вы желаете заказать столик?

Он обвел рукой зал, предлагая любой столик на выбор, но Джон покачал головой.

– Благодарю, нет. Может, я поужинаю в другом месте. Простите, что побеспокоил вас. Если сеньорины зайдут... –

Он помолчал. – Возможно, я зайду попозже, – добавил он. – Я не уверен.

Хозяин поклонился и проводил его до выхода.

– Люди со всего света встречаются в Венеции, – с улыбкой заметил он. – Вполне возможно, что сеньор разыщет своих друзей. Arrivederci, сеньор.

Друзей? Джон вышел на улицу. Скорее, похитителей... Беспокойство переросло в страх, в панику. Случилось что-то ужасное. Эти старухи вцепились в Лауру мертвой хваткой, они сыграли на ее внушаемости, заставили ее последовать за ними или в отель, или куда-нибудь в другое место. Может стоит обратиться в консульство? Где оно находится? И что он им скажет? Он шел, не разбирая дороги, и внезапно обнаружил, что, точно так же, как и прошлым вечером, он оказался на незнакомой улице. Внезапно он увидел перед собой здание с вывеской «Questura». «Будь что будет – я иду туда». Перед зданием с вывеской сновали полицейские, они входили и выходили – во всяком случае, в этом месте была жизнь. Он обратился к полицейскому, сидевшему за стеклянной перегородкой, и спросил, говорит ли кто-нибудь по-английски. Полицейский указал на лестницу. Поднявшись, Джон открыл расположенную справа дверь и, увидев пару, ожидавшую приема, с радостью узнал в них своих соотечественников. Это были туристы, по всей видимости, муж и жена, у которых возникли какие-то затруднения.

– Присаживайтесь, – сказал мужчина. – Мы ждем уже пол-

часа, думаю, нас скоро уже примут. Что за страна! Дома с нами обращались бы совершенно иначе.

Джон взял предложенную сигарету и сел рядом с ними на стул.

– Что у вас случилось? – спросил он.

– В одном из магазинов «Мерсерии» у моей жены украли сумочку, – ответил мужчина. – Она рассматривала что-то и всего на секунду положила ее на прилавок. Вы не поверите – она тут же исчезла. Я говорю, что это был какой-то воришка, а она утверждает – что продавщица. Ну что можно сказать? Итальянцы все такие. Как бы то ни было, я уверен, что сумочку нам не вернуть. А вы что потеряли?

– У меня украли чемодан, – быстро ответил Джон. – В нем были важные бумаги.

Ну, разве он мог сказать, что потерял жену? Он не смог даже вымолвить этого...

Мужчина сочувственно кивнул.

– Я уже сказал, итальянцы все такие. Старик Муссолини знал, как обращаться с ними. Слишком много коммунистов развелось в последнее время. Проблема в том, что они не собираются утруждать себя нашими проблемами, особенно сейчас, из-за этого убийцы. Они все ищут преступника.

– Убийцы? Какого убийцы? – спросил Джон.

– Вы хотите сказать, что ничего не слышали об этом? – Мужчина удивленно уставился на Джона. – Вся Венеция только об этом и говорит. Все газеты заполнены сообщения-

ми об этом убийстве, радио ни на секунду не замолкает. Даже английские газеты написали об этом. Зверские убийства. На прошлой неделе нашли женщину с перерезанным горлом – туристку, а сегодня утром обнаружили старика с ножевой раной. Они считают, что это дело рук маньяка, так как нет никаких мотивов. Да, для Венеции, в начале туристского сезона, это очень печально.

– Мы с женой никогда не читаем газеты, когда мы в отпуске, – объяснил Джон. – И никто из нас не любит сплетничать с гостями отеля.

– Вы поступаете мудро, – рассмеялся мужчина. – А то у вас был бы испорчен отпуск, особенно если у вашей жены слабые нервы. Ну, а мы завтра уезжаем. Не могу сказать, что мы очень из-за этого переживаем, не так ли, дорогая? – Он повернулся к своей жене. – Здесь стало намного хуже по сравнению с тем, что мы видели в прошлый раз. А эта история с сумочкой переполнила чашу.

Дверь комнаты распахнулась, и старший офицер пригласил мужчину и его жену.

– Могу поспорить, что мы не получим никакого возмещения, – подмигнув Джону, пробормотал мужчина и повел свою жену в комнату.

Дверь за ними закрылась. Джон погасил сигарету и закурил новую. Его охватило странное чувство нереальности происходящего. «Что я здесь делаю, – спросил он себя, – для чего я здесь?» Лауры в Венеции нет, она исчезла, возможно,

навсегда, ушла с этими чертовыми старухами. Он никогда ее не найдет. Их фантазии насчет близнецов, истории, которые они придумывали, будучи в Торселло, в соответствии с какой-то кошмарной логикой, превратились в явь. Эти старухи на самом деле были мошенницами, мужчинами, которые, преследуя свои преступные цели, завлекали ничего не подозревающих людей в расставленные сети. Вполне возможно, что они – тот самый убийца, которого разыскивает полиция. Ну, разве кто-нибудь заподозрит двух пожилых дам с респектабельной внешностью, которые тихо живут в каком-нибудь второразрядном отеле или пансионе? Он выбросил недокуренную сигарету.

«Вот это действительно начало паранойи, – подумал он. – Вот так люди сходят с ума». Он взглянул на часы. Половина седьмого. Лучше не дожидаться бесполезного разговора с полицейскими и постараться сохранить остатки разума. Вернуться в отель, позвонить в школу спросить Хиллов о самочувствии Джонни. С того мгновения, когда он увидел Лауру на пароме, он ни разу не вспомнил о бедном Джонни.

Слишком поздно. Дверь открылась, и вышли англичане. – Обычная показуха, – вполголоса проговорил мужчина. – Они сделают все, что в их силах. Надежды мало. В Венеции так много иностранцев, и все они воры! Местные жители безупречны. Они ни за что не будут красть у клиентов. Ну, ладно, желаю вам удачи.

Он кивнул, его жена улыбнулась и поклонилась, и они

ушли. Джон последовал за полицейским в комнату.

Начались формальности. Имя, адрес, паспорт. Продолжительность пребывания в Венеции и так далее. Потом пошли вопросы, и Джон, лоб которого покрылся испариной, начал рассказывать свою бесконечную историю. О знакомстве с сестрами, о встрече в ресторане, о повышенной из-за смерти дочери внушаемости Лауры, о телеграмме про болезнь Джонни, о решении лететь чартерным рейсом, о ее отъезде, о ее внезапном и необъяснимом возвращении. Закончив, он почувствовал себя страшно изможденным, как будто после тяжелой болезни ему пришлось без остановки проехать триста миль. Полицейский говорил на великолепном английском, однако в его речи звучал сильный итальянский акцент.

– Вы говорите, – начал он, – что ваша супруга была сильно травмирована смертью вашей дочери. Вы заметили какие-либо признаки, указывающие на ее болезненное состояние во время вашего пребывания в Венеции?

– Да, – ответил Джон, – она очень тяжело болела. Наш отпуск не привел ни к каким улучшениям. И только после знакомства с теми дамами вчера в Торселло ее настроение изменилось. Казалось, напряжение отпустило ее. Полагаю, она была готова ухватиться за любую соломинку, и ее вера в то, что наша дочка наблюдает за ней, в какой-то мере вернула ей нормальное душевное состояние.

– Это было бы естественно, – согласился полицейский. – Насколько я понял, полученная вчера вечером телеграмма

явилась, конечно, еще одним ударом для вас обоих?

– Да, естественно. Именно поэтому мы решили вернуться домой.

– Между вами не было каких-либо размолвок? Расхождений во мнениях?

– Никаких. В наших отношениях царило единomyслие. Единственное, о чем я сожалел, – что не могу полететь вместе с ней.

Полицейский кивнул.

– Вполне могло случиться, что у вашей жены произошла временная потеря памяти, а встреча с двумя дамами послужила для нее связующим звеном, и она обратилась к ним за помощью. Вы очень точно описали этих женщин, и думаю, для нас не составит труда их разыскать. А пока я советую вам вернуться в отель. Мы свяжемся с вами, как только у нас будут какие-нибудь новости.

«По крайней мере, – подумал Джон, – они поверили в его рассказ». Во всяком случае, они не посчитали его сумасшедшим, который выдумал всю историю и который попусту отнимает у них время.

– Понимаете, – сказал он, – я очень беспокоюсь. Может быть, у этих женщин какие-то преступные намерения в отношении моей жены. Столько подобных случаев происходит вокруг...

Впервые за весь разговор полицейский улыбнулся.

– Пожалуйста, успокойтесь, – проговорил он. – Я уверен,

что всему найдутся вполне объяснимые причины.

«Как у него все складно получается, – подумал Джон, – но, во имя Господа, какие могут быть причины?»

– Простите, – сказал он, – что я отнял у вас так много времени. Особенно в тот момент, когда вся полиция поставлена на ноги в поисках убийцы.

Он нарочно упомянул об убийствах. Вреда не будет, если он даст понять этому полицейскому, что может существовать какая-то связь между исчезновением Лауры и убийствами.

– А, вы об этом, – проговорил полицейский, вставая. – Мы надеемся, что вскоре убийца будет под замком.

Его уверенный тон вселял надежду. Убийцы, пропавшие жены, потерянные сумочки – все под контролем. Они подали друг другу руки. Джон вышел из комнаты и спустился вниз.

«Возможно, – думал он, медленно направляясь к отелю, – этот парень был прав». Наверное, у Лауры действительно произошла временная потеря памяти, а сестры оказались в аэропорту и привезли ее обратно в Венецию, в свой отель, так как Лаура не могла вспомнить, где они с Джоном остановились. Может, они именно сейчас пытаются выяснить, в каком он отеле. Как бы то ни было, он сделал все, что в его силах. Все в руках полиции, которая – молю тебя, Господи, – поможет ему решить его проблему. Сейчас же единственным желанием было завалиться в постель со стаканом виски, а потом позвонить в школу Джонни.

Лифт поднял его на пятый этаж, где для него был забронирован скромный, выходящий окнами на задний двор отеля номер – голый, безликий, с закрытыми жалюзи, пропахший кухонными запахами, которые поднимались снизу.

– Будьте любезны, передайте, чтобы мне принесли двойной виски, – сказал он посыльному. – И имбирного пива.

Как только он оказался один, он тут же сунул голову под холодную воду и с облегчением обнаружил, что крохотный кусочек гостиничного мыла может в какой-то мере служить успокаивающим средством. Он сбросил ботинки, повесил пиджак на спинку стула и рухнул на кровать. По радио, которое было слышно из соседнего номера, передавали когда-то очень популярную, а теперь уже вышедшую из моды песенку. Пару лет назад Лауре она очень нравилась. «Я люблю тебя, малышка...» Он придвинул к себе телефон и заказал разговор с Англией. Джон закрыл глаза, а голос за стеной настойчиво напевал: «Я люблю тебя, малышка... Не могу забыть тебя».

Раздался стук в дверь. Официант принес виски. Почти нет льда – да, удовольствия мало, но выпивка ему необходима. Он залпом осушил содержимое стакана, даже не добавив в виски имбирное пиво. Через несколько минут ноющая боль затихла и по телу разлилось ощущение покоя. Зазвонил телефон. «Ну вот, – подумал он, готовясь к последнему удару, – заключительный аккорд». Джонни, возможно, при смерти или даже умер. В этом случае он теряет все. Скорее

бы эта Венеция утонула...

На коммутаторе сказали, что связь есть, и через мгновение в трубке раздался голос госпожи Хилл. Они, должно быть предупредили ее, что звонят из Венеции, так как она знала с кем говорит.

– Алло? – сказала она. – О, я рада, что вы позвонили. Все хорошо. Джонни прооперировали в полдень, хирург решил, что лучше сделать операцию, чем ждать. Все прошло успешно. Джонни скоро поправится. Вам больше нечего волноваться, спите спокойно.

– Слава Богу, – с облегчением выдохнул Джон.

– Я понимаю, – сказала она, – все мы тоже испытали огромное облегчение. А теперь передаю трубку вашей жене.

Ошеломленный, Джон сел на кровати. Что, черт подери, она имеет в виду? И тут он услышал голос Лауры, спокойный и ясный.

– Дорогой? Дорогой, ты там?

Он не мог вымолвить ни слова. Он почувствовал, как рука, сжимавшая трубку, вспотела.

– Да, – прошептал он.

– Плохо слышно, – сказала она, – но ничего страшного. Госпожа Хилл уже сказала тебе, что все в порядке. Такой великолепный хирург, и обслуживающий персонал очень внимателен. Я так рада, что все хорошо закончилось. Как только самолет приземлился, я сразу же отправилась в Гатуик, в больницу. Полет прошел нормально, у меня были такие

смешные соседи – ты будешь хохотать до упаду, когда я расскажу тебе о них. В больницу я приехала как раз в тот момент, когда Джонни вывозили из операционной. Он был еще полусонный, но очень обрадовался, увидев меня. Хиллы проявили максимум любезности: они предоставили мне свободную комнату. От их дома до больницы всего две минуты на такси. Сегодня я лягу спать сразу после ужина: перелет и все переживания немного утомили меня. Как ты доехал до Милана? Где ты остановился?

Джон не узнал свой голос: казалось, что вместо него отвечает компьютер.

– Я не в Милане, – проговорил он. – Я все еще в Венеции.

– В Венеции? Но почему? Машина не завелась?

– Мне трудно объяснить, – сказал он. – Произошла какая-то путаница...

Внезапно он почувствовал страшную усталость, у него даже не хватило сил удерживать трубку. И, к его величайшему стыду, из глаз потекли слезы.

– Какая путаница? – Ее голос зазвучал резко, в нем слышалось подозрение. – Ты попал в аварию?

– Нет... нет... ничего плохого.

На мгновение воцарилась тишина, потом она сказала:

– Твой голос звучит очень странно. Только не говори мне, что ты пьян.

О Боже... если бы она знала! Он действительно сейчас опьянеет, но только не от виски.

– Мне показалось, – медленно проговорил он, – мне показалось, что я видел тебя на пароме, с близнецами.

Какой смысл продолжать? Бесполезно пытаться что-либо объяснить.

– Ну как ты мог видеть меня с сестрами? – воскликнула она. – Ты же знал, что я отправилась в аэропорт. Дорогой, ты самый настоящий идиот. Ты помешался на этих двух старушках. Надеюсь, ты ничего не сказал госпоже Хилл?

– Нет.

– Ну, и что ты собираешься делать? Завтра же отправляйся в Милан и садись на поезд, хорошо?

– Да, конечно, – ответил он.

– И все же я не понимаю, что задержало тебя в Венеции, – сказала она. – Твое объяснение выглядит довольно странно. Однако... Слава Богу, что с Джонни все в порядке и я дома.

– Да, – проговорил он, – да.

В трубке послышались удары гонга, извещающие об ужине.

– Тебе пора идти, – сказал он. – Поблагодари за меня Хиллов и скажи Джонни, что я его люблю.

– Хорошо. Береги себя, дорогой, и, ради всего святого, не опоздай на завтрашний поезд. Веди машину поосторожней.

В телефоне что-то щелкнуло, их разъединили. Он вылил остатки виски в стакан, разбавил их имбирным пивом и выпил все до дна. Он встал и, пройдя через комнату, распахнул окно. Голова слегка кружилась. Разраставшееся в его душе

чувство облегчения каким-то странным образом смешивалось с ощущением нереальности происходящего. У него было такое впечатление, что из Англии с ним разговаривала не Лаура, что это все – сплошная фальсификация, а сама Лаура здесь, в Венеции, и скрывается от него в каком-то дешевом пансионе, где живут старухи.

Ведь он на самом деле видел всех троих на пароме. Никто больше не носил алых плащей. И старухи были там, рядом с Лаурой. Чем же это объяснить? Тем, что он сходит с ума? Или чем-то еще более зловещим? Эти сестры, обладавшие способностями медиумов необыкновенной силы, увидели его в тот момент, когда его паром проплывал мимо, и каким-то совершенно непостижимым образом заставили его поверить, будто Лаура – с ними. Но почему, с какой целью? Нет, чепуха какая-то. Единственным объяснением всему этому может быть то, что он просто ошибся и все это обычная галлюцинация. Значит, он нуждается в помощи психоаналитика, точно так же, как Джонни – в помощи хирурга.

Что же ему делать? Спуститься вниз и сказать управляющему, что он ошибся и только что разговаривал со своей женой, которая, целая и невредимая, прибыла в Англию тем самым чартерным рейсом? Он надел ботинки и пригладил руками волосы. Взглянул на часы. Без десяти восемь. Он сначала спустится в бар и выпьет что-нибудь крепкое: так ему будет легче взглянуть в лицо управляющему. Потом он свя-

жется с полицией. И будет рассыпаться в извинениях за то, что доставил всем так много беспокойства.

Он спустился на первый этаж и направился в бар, чувствуя себя страшно неловко и представляя, как люди будут смотреть на него, довольно видного мужчину, и думать: «Это тот самый парень, который потерял свою жену». К счастью, бар оказался переполненным, к тому же он не встретил ни одного знакомого. Даже бармен был ему незнаком. Он выпил виски и глянул через плечо в холл. За стойкой никого не было. Он увидел управляющего, который, спиной к нему, сидел в комнатке за стойкой и с кем-то разговаривал. Поддавшись какому-то минутному порыву, Джон, как самый настоящий трус, торопливо прошел через холл и, толкнув вращающуюся дверь, вышел на улицу.

«Я поужинаю, – решил он, – а потом вернусь и расскажу им. С полным желудком я буду чувствовать себя гораздо увереннее».

Он зашел в расположенный неподалеку ресторанчик, где один или два раза они с Лаурой ужинали. Больше ничего на свете не имело для него значения: главное, что она была жива. Кошмар закончился. Теперь он может позволить себе наслаждаться едой, даже несмотря на то, что Лауры нет рядом, и думать о том, что она сидит в гостиной у Хиллов, что она ляжет сегодня спать, что завтра утром она поедет в больницу и будет сидеть с Джонни, что Джонни в безопасности. Больше не о чем беспокоиться, осталось только извиниться перед

управляющим отеля и дать ему более менее вразумительные объяснения.

Ему было приятно сидеть за столиком в углу и быть самым обыкновенным посетителем, которого никто не знает. Он с удовольствием заказал себе коктейль и полбутылки «Мерло». Он наслаждался едой, однако его не отпускало ощущение нереальности. Разговор посетителей за соседним столиком и тихая музыка действовали на него успокаивающе.

Соседний столик опустел, и он взглянул на висевшие на стене часы. Была половина десятого. Нельзя больше откладывать предстоящий разговор. Он допил кофе, закурил и расплатился. «В конце концов, – думал он, направляясь к отелю, – управляющему тоже будет приятно услышать, что все хорошо закончилось».

Когда он вошел в холл отеля, первое, что он увидел, был мужчина в форме полицейского, который стоял возле стола управляющего. Здесь же был и портье. Они повернулись в его сторону и смотрели, как он приближается к ним. На лице управляющего отразилось облегчение.

– Ecollo! – воскликнул он. – Я был уверен, что сеньор где-то поблизости. Дела сдвинулись с места, сеньор. Нашли этих двух дам, и они любезно согласились пройти с офицером в участок. Если вы не будете задерживаться, этот agente di polizia проводит вас.

Джон покраснел как рак.

– Я доставил всем вам массу неприятностей, – сказал он. –

Я собирался поговорить с вами до того, как ушел ужинать, но вас не было на месте. Дело в том, что я связался со своей женой. Она прилетела в Лондон, и я разговаривал с ней по телефону. Произошла какая-то ошибка.

Управляющий озадаченно взглянул на него.

– Сеньора в Лондоне? – переспросил он и, перейдя на итальянский, начал что-то быстро говорить полицейскому. – Кажется, эти дамы утверждают, что они весь день не выходили из дома, только рано утром сходили в магазин, – сказал он, поворачиваясь к Джону. – Так кого же вы видели на пароме?

Джон покачал головой.

– Я до сих пор не понял, как я мог так ошибиться, – сказал он. – Очевидно, это были совершенно чужие люди. Мне действительно очень жаль, что я побеспокоил вас.

Опять раздалась итальянская речь. Джон заметил, что портье с любопытством разглядывает его. По всей видимости, управляющий от имени Джона извинялся перед полицейским, который выглядел встревоженным. Он что-то ответил, причем чем дольше он говорил, тем громче становился его голос. Все это дело доставило слишком много неприятностей окружающим, не говоря уже о двух старушках.

– Послушайте, – прервал этот бесконечный поток Джон, – передайте агенту, что я пойду с ним в участок и лично принесу извинения начальнику и дамам.

Лицо управляющего опять выразило облегчение.

– Вы окажете большую любезность, если возьмете на себя

труд сходить туда, – проговорил он. – Между прочим, дамы очень расстроились, когда к ним в отель пришел полицейский и рассказал, что произошло. Они предложили пройти с ним в участок только потому, что очень переживали за сеньору.

Чувство неловкости, охватившее Джона, усилилось. Нельзя допустить, чтобы Лаура когда-нибудь узнала об этом. Он спросил себя, существует ли какое-то наказание за сообщение полиции недостоверной информации, в результате чего в дело бывают втянуты третьи лица. Его ошибка начинает приобретать масштабы преступления.

Он пересек площадь св. Марка, заполненную теми, кто вышел прогуляться после ужина и послушать, как соперничают друг с другом три оркестра, игравшие на площади. Сопровождавший его полицейский шел слева от него, выдерживая дистанцию в два шага. За всю дорогу он не произнес ни единого слова.

Они вошли в участок и, поднявшись наверх, зашли в ту же комнату, где совсем недавно был Джон. За столом сидел незнакомый офицер, не тот, с которым он разговаривал. На его желтоватом лице было написано раздражение. Сестры, очень расстроенные – в особенности зрячая, – сидели на стульях. За ними стоял полицейский. Полицейский, сопровождавший Джона, немедленно подошел к офицеру и затараторил по-итальянски, а Джон, после минутного колебания, направился к сестрам.

– Произошла ужасная ошибка, – сказал он. – Прошу простить меня. Полиция ни при чем, во всем виноват я сам.

Зрячая сестра собралась было встать, ее рот нервно дернулся, но он удержал ее.

– Мы ничего не понимаем, – проговорила она с сильным шотландским акцентом. – Вчера вечером мы попрощались с вашей женой и больше с ней не виделись. Более часа назад к нам пришел полицейский и сказал, что ваша жена пропала и что вы выдвинули против нас обвинения. Моя сестра очень слаба. Визит полицейского очень сильно растревожил ее.

– Произошла ошибка. Ужасная ошибка, – повторил Джон. Он повернулся к столу. К нему обращался офицер. Он говорил на довольно плохом, по сравнению со своим предшественником, английском и постукивал карандашом по лежащему перед ним на столе заявлению Джона.

– Итак? – спросил он. – Этот документ лжет? Вы сообщили неправду?

– Тогда я думал, что это правда, – ответил Джон. – Я мог бы поклясться на Библии, что видел свою жену и вот этих дам на пароме на Большом канале. Теперь я знаю, что ошибался.

– Весь день мы даже близко не подходили к каналу, – запротестовала зрячая сестра. – Утром мы сделали кое-какие покупки в «Мерсерии», а потом весь день сидели дома. Моя сестра неважно себя чувствовала. Я уже десятки раз повторяла это офицеру и говорила ему, что наши слова могут под-

твердить соседи, которые живут в том же пансионе. Но он отказывается меня слушать.

– А как же сеньора? – напустился на нее офицер. – Что случилось с сеньорой?

– Сеньора, моя жена, в Англии. Она в полной безопасности, – начал терпеливо объяснять Джон. – В семь вечера я говорил с ней по телефону. Она улетела из аэропорта чартерным рейсом и сейчас живет у друзей.

– Тогда кто была та женщина в алом плаще, которую вы видели на пароме? – спросил разгневанный офицер. – И если вы видели не этих сеньорин, то кого же?

– Меня обманули мои глаза, – сказал Джон, чувствуя, что на него начинает действовать неправильный английский офицера. – Я думал, что видел свою жену и этих дам, но оказалось, что я ошибся. Моя жена была в самолете, эти дамы не выходили из пансиона.

Создавалось впечатление, будто они говорят по-китайски. Еще мгновение – и он сунет руки в рукава и начнет кланяться.

Офицер закатил глаза к потолку и стукнул кулаком по столу.

– Значит, вся работа была впустую? – сказал он. – Мы обыскали кучу отелей и пансионатов в поисках этих сеньорин и сеньоры-англичанки, и это в тот момент, когда у нас так много работы. Вы совершили ошибку. Возможно, вы выпили слишком много вина, и вам виделись сотни сеньор в

алых плащах, разъезжающих на сотнях паромов. – Он встал и смял лежавшие на столе бумаги. – А вы, сеньорины, – сказал он, – вы намерены подать жалобу на этого человека? – Он обращался к зрячей сестре.

– О, нет, – ответила она, – нет, конечно. Я вижу, что это была ошибка. Единственное наше желание – немедленно вернуться в пансион.

Офицер что-то проворчал. Потом он указал на Джона:

– Вам очень повезло, – сказал он. – Эти сеньорины могли бы подать на вас жалобу – вам пришлось бы туго.

– Не сомневаюсь, – начал Джон. – Я сделаю все, что в моих силах...

– Пожалуйста, не думайте об этом, – в ужасе воскликнула зрячая сестра. – Мы не желаем даже слушать об этом. – Теперь настала ее очередь извиняться перед офицером. – Надеюсь, мы больше не будем отнимать у вас ваше драгоценное время, – проговорила она.

Он взмахнул рукой, давая им понять, что больше не задерживает их, и заговорил по-итальянски с полицейским.

– Этот человек проводит вас до пансиона, – сообщил офицер. – До свидания, сеньорины. – Джона он проигнорировал.

– Я пойду с вами, – сказал Джон. – Я хочу рассказать вам, что произошло.

Они спустились по лестнице и вышли из здания. Слепая опиралась на руку своей сестры. Как только они оказались на улице, она вперилась в Джона своим невидящим взглядом.

– Вы видели нас, – проговорила она, – и вашу жену. Но не сегодня. Вы видели нас в будущем.

Ее голос был мягче, чем у сестры, она говорила гораздо медленнее, казалось, что она немного заикается.

– Я не понимаю, – в полном замешательстве сказал Джон. Он повернулся к зрячей сестре, которая покачала головой и, нахмурившись, приложила палец к губам.

– Пойдем, дорогая, – обратилась она к сестре. – Ты очень устала, я отведу тебя домой. – Повернувшись к Джону, она едва слышно добавила: – Она медиум. Надеюсь, ваша жена рассказывала вам, но мне не хотелось бы, чтобы она впала в транс прямо здесь, на улице.

«Прости меня, Господи», – подумал Джон, и маленькая процессия медленно двинулась по улице, все дальше уходя от полицейского участка. Из-за слепой они шли очень медленно. Им пришлось перейти канал по двум мостам, и после первого поворота Джон обнаружил, что не знает, где они находятся. Но это не волновало его. Рядом был полицейский, да и сестры знали дорогу.

– Я должен объяснить вам, – проговорил он. – Моя жена никогда не простит мне того, что я натворил. И он поведал им свою историю, начав со вчерашнего телефонного звонка и разговора с госпожой Хилл. Он рассказал об их решении вернуться на следующий день в Англию. Лаура самолетом, а он, Джон, на машине, а потом на поезде. Его слова больше не звучали так трагично, как в тот раз, когда он рассказывал

все в полиции. Тогда, подозревая во всем случившемся чей-то злой умысел, он усмотрел что-то злое в том, как два паромы встретились посреди Большого канала. Он предполагал, что сестры похитили его жену, что они держат бедную Лауру взаперти. Теперь же, когда эти две женщины больше не представляли для него угрозы, он разговаривал с ними более естественно и в то же время очень искренне, впервые почувствовав, что они испытывают к нему симпатию и полны понимания.

– Дело в том, – говорил он, предприняв последнюю попытку объяснить, почему он в первую очередь обратился в полицию, – я был совершенно уверен, что видел вас рядом с Лаурой, и я подумал... – Он колебался, стоит ли им рассказывать о предположениях полицейского офицера, – я подумал, что у Лауры произошла временная потеря памяти, она встретила вас в аэропорту, и вы привезли ее в Венецию, в ваш пансион.

Они пересекли площадь и приближались к дому с вывеской «Пансион» над дверью.

– Вам сюда? – спросил Джон.

– Да, – ответила зрячая сестра. – Я понимаю, это не очень шикарное место, но здесь чисто и удобно. Наши друзья рекомендовали нам остановиться здесь. – Она повернулась к полицейскому. – Grazie, – обратилась она к нему, – grazie tanto.

Полицейский кивнул, пожелал им спокойной ночи и исчез.

– Вы зайдете? – спросила она. – Я сварю вам кофе. А может, вы хотите чаю?

– Нет, спасибо, – ответил он. – Мне нужно возвращаться в отель. Я завтра выеду очень рано. Мне хотелось бы быть полностью уверенным, что вы поняли и простили меня.

– Вас не за что прощать, – проговорила она. – Это один из примеров проявления второго зрения, которым обладаем мы с сестрой. Если позволите, я с удовольствием внесу этот случай в нашу картотеку.

– Да, конечно, – согласился он, – но мне самому трудно *это* понять. Со мной никогда ничего подобного не случилось.

– Возможно, вы этого не осознавали, – сказала она. – С нами происходят самые необычные вещи, только мы не знаем об этом. Моя сестра почувствовала, что вы тоже медиум. Она сказала об этом вашей жене. Она также сказала ей, вчера вечером, в ресторане, что вам грозит опасность и вам следует уехать из Венеции. Значит, вы не считаете, что телеграмму явилась подтверждением ее слов? Ваш сын заболел, его жизнь была в опасности, и вам нужно было срочно возвращаться домой. Хвала небесам, что ваша жена вылетела самолетом и была рядом с сыном.

– Да, вы правы, – ответил Джон, – но почему же тогда я видел ее и вас на пароме, если на самом деле она была в самолете?

– Передача мыслей, наверное, – сказала она. – Должно

быть, ваша жена думала о нас. Мы оставили ей свой адрес на тот случай, если вам понадобится связаться с нами. Мы проживем здесь еще десять дней. И она знает, что мы передадим ей все, что моя сестра узнает от вашей дочки, которая сейчас находится в потустороннем мире.

– Да, – проговорил Джон, испытывая неловкость, – да, я понимаю. Вы очень добры. – Он представил себе, как сестры, сидя в спальне, надевают наушники и слушают закодированное сообщение, посланное Кристиной. – Послушайте, вот наш адрес в Лондоне, – сказал он. – Я знаю, Лауре будет приятно получить от вас весточку.

На листке, вырванном из карманного ежедневника, он нацарапал свой адрес и, как награду, свой телефон. Он мог представить, каковы будут последствия. Однажды вечером к нему прибежит Лаура и сообщит, что «милые старушки» оказались в Лондоне, проездом по дороге в Шотландию, и они обязательно должны будут принять их и оставить ночевать в свободной комнате. Потом в гостиной состоится спиритический сеанс, и из воздуха станут возникать бубны.

– Ну, мне пора идти, – сказал он. – Спокойной ночи, и еще раз простите меня за все. – Он пожал руку зрячей сестре, потом повернулся к слепой. – Надеюсь, – добавил он, – вы не очень устали.

В невидящих глазах отразилось замешательство. Она быстро схватила его за руку.

– Ребенок, – отрывисто заговорила она, – ребенок... я ви-

жу ребенка... – и в этот момент, к его ужасу, у нее на губах выступила пена, голова ее запрокинулась, и она обмякла в руках сестры.

– Давайте внесем ее внутрь, – заторопилась та. – Все в порядке, она не больна, это начало транса.

Поддерживая ее с обеих сторон, они ввели слепую в дом и усадили на стул. Откуда-то прибежала женщина. По дому разносился аромат спагетти.

– Не беспокойтесь, – сказала зрячая, – мы справимся. Думаю, вам лучше идти. Иногда ей бывает очень плохо, когда она выходит из транса.

– Мне очень жаль, – начал Джон, но зрячая сестра уже повернулась к нему спиной и принялась вместе с женщиной хлопотать над сестрой, которая издавала какие-то приглушенные звуки.

Отдавая дань вежливости, Джон спросил, не может ли он чем-либо помочь. Получив отрицательный ответ, он направился к двери и вышел на улицу. Когда он был на середине площади, он оглянулся и увидел, что они закрыли за ним дверь.

Как странно заканчивается вечер! И во всем виноват он сам. Бедные старушки – сначала их приволокли в полицейский участок и подвергли допросу, а потом – этот приступ. Вероятно, у нее эпилепсия. Слишком большая нагрузка для второй сестры, но она, кажется, хорошо знает свое дело. И постоянная опасность, что приступ может начаться в ресто-

ране или прямо на улице. Не очень хочется, чтобы подобный приступ случился у них с Лаурой дома, если сестры вдруг окажутся у них в гостях, хотя он молил Бога, чтобы этого никогда не случилось.

Где это он, черт побери? Площадь с обязательной церковью была пуста. Он не мог вспомнить, какой дорогой они шли от полицейского участка: у него создалось впечатление, что они все время куда-то поворачивали.

Минутку, церковь кажется знакомой. Он подошел поближе, разыскивая глазами табличку с названием. Церковь св. Джованни, что в Брагоре, она довольно известна. Однажды утром они с Лаурой зашли внутрь, чтобы полюбоваться картинами Конельяно. А отсюда рукой подать до Рива дели Скьявони и лагуны св. Марка. А там – огни, жизнь и прогуливающиеся туристы. Он вспомнил, что по дороге из участка они повернули в сторону от реки и оказались перед церковью. Кажется, они шли вот по этому переулку? Дойдя до середины переулка, он заколебался. По всей видимости, он ошибся, хотя это место по каким-то необъяснимым причинам казалось ему знакомым.

И тут он понял, что по этому переулку они с Лаурой шли не в то утро, когда собирались смотреть картины Конельяно, а вчера вечером. Только подошли они к нему с другой стороны. Да, правильно. Значит, ему надо идти вперед, перейти мостик над узким каналом – и он окажется слева от Арсенала, на улице, которая ведет к реке. Это гораздо проще,

чем вспоминать их запутанный путь из полицейского участка, постоянно опасаясь заблудиться в лабиринтах узких улочек.

Он дошел почти до конца переулка, и ему уже был виден мостик, когда он увидел ребенка. Ту самую девочку, которая вчера вечером пробежала по причаленным у пристани лодкам и исчезла на противоположной стороне канала. На этот раз она бежала в сторону церкви, направляясь к мостику. Она бежала так, как будто от этого зависела ее жизнь, и через секунду он понял почему. Ее преследовал мужчина, который в те мгновения, когда она на бегу оглядывалась назад, прижимался к стене, считая, что его никто не видит. Девочка стремглав пролетела через мостик, и Джон, решив, что его появление на улице может еще сильнее напугать девочку, скрылся в тени открытой калитки, которая вела в маленький дворик.

Он вспомнил пьяный вопль, раздавшийся вчера из одного из домов, возле которых сейчас прятался мужчина. «Так вот в чем дело, – подумал он, – опять он за ней гонится». Внезапно пробудившаяся в нем интуиция подсказывала, что все эти события – бегущая в панике девочка, холодящие душу вопли, заполнившие все газеты сообщения об убийствах – взаимосвязаны, что это дело рук одного и того же сумасшедшего. Может, это простое совпадение – девочка убегает от напившегося отца, – и все же, и все же... Сердце бешено застучало в груди, внутренний голос подсказывал ему, что

нужно как можно скорее бежать отсюда – сейчас, сразу же, назад по переулку. Но что будет с девочкой? Что с ней случится?

Тут он услышал топот ее ножек по мостовой. Через открытую калитку она влетела во дворик, в котором он прятался. Не заметив его, она побежала в другой конец дворика, к лестнице, ведущей в дом. Она всхлипывала на бегу. Это был не обычный плач испуганного ребенка, а самые настоящие рыдания беспомощного существа, охваченного отчаянием и такой страшной паникой, что спазм сжимает горло. Может, в этом доме живут ее родители, которые защитят ее, которых она успеет предупредить? Секунду он колебался, потом побежал вслед за ней по ступенькам и дальше в дом, через дверь, которая распахнулась, как только девочка тронула ее рукой.

– Все в порядке, – позвал он. – Я не дам тебя в обиду, все в порядке.

Жаль, что он не знает итальянского, но, возможно, английская речь успокоит ее. Но тщетно – она продолжала, рыдая, бежать вверх по расположенной спиралью лестнице, минуя один пролет за другим, поднимаясь все выше и выше. Отступить было поздно. Он уже слышал шаги преследователя по каменным плитам дворика, кто-то кричал по-итальянски, залаяла собака. «Ну вот, – подумал он, – мы оба в ловушке: и девочка, и я. Если нам не удастся открыть какую-нибудь дверь, он прикончит нас обоих».

Он взбежал по лестнице вслед за девочкой, которая прыгнула в комнату. Он последовал за ней и закрыл дверь. О небо – на двери оказалась задвижка. Девочка забилась в угол рядом с открытым окном. Если бы он закричал, кто-нибудь обязательно услышал и пришел бы на помощь прежде, чем преследователь принялся ломиться в дверь, которая поддавалась бы под его натиском. Но рядом никого, кроме них самих, не было. Никаких родителей. Комната была абсолютно голой, не считая матраца на старой кровати и кучи хлама в углу.

– Все в порядке, – задыхаясь проговорил он, – все в порядке, – и протянул руку, пытаясь улыбнуться.

Девочка вскочила на ноги и встала перед ним. Шляпка свалилась на пол. Он изумленно уставился на нее, и недоверие сменилось ужасом и страхом. Это был вовсе не ребенок – это была карлица ростом около трех футов, с непропорционально большой головой взрослого человека и с серыми спутавшимися космами, свисавшими до самых плеч. И она вовсе не рыдала – она качала головой и ухмылялась ему в лицо.

Он услышал шаги на лестнице, кто-то забарабанил в дверь, послышался собачий лай и голоса, голоса многих людей, которые кричали: «Открывайте! Полиция!» Нащупав что-то в рукаве, карлица вытащила нож и с необычайной силой метнула его в Джона. Нож проткнул горло. Джон споткнулся и упал, а кровь заливала его руки, которыми он пы-

тался защитить себя.

И он увидел плывущий по Большому каналу паром, на нем Лауру и сестер-близнецов. Но это было не сегодня и не завтра, а несколькими днями позже. Теперь он знал, почему они оказались вместе и что привело их в Венецию. В углу несвязно бормотала карлица. Стук в дверь, лай собаки и голоса стали удаляться, и он подумал: «О Господи, как же глупо вот так умирать...»